

Катерина ЯНОУХ

**РЯДОМ
С АЛКОГОЛИКО** **М**
Исповедь жены

Катерина Яноух
Рядом с алкоголиком.
Исповедь жены

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22876569

*Яноух К. Рядом с алкоголиком. Исповедь жены: Издательство
«Человек»; Москва; 2011
ISBN 978-5-904885-27-4*

Аннотация

Об алкоголиках и наркоманах написано много. О тех, кто вынужден жить рядом с ними, – почти ничего. Между тем алкоголизм разрушает личность и физическое здоровье не только самого алкоголика, но и всех, кто его окружает. Им, самым близким и «созависимым», посвящен автобиографический роман Катерины Яноух, вышедший миллионным тиражом в Швеции и Чехии.

Содержание

Часть первая	5
1	6
2	21
3	37
4	65
5	72
6	82
7	88
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Катерина Яноух
Рядом с алкоголиком.
Исповедь жены

© Katerina Janouch, 2004

© Издательство «Человек», оформление, издание, 2011

* * *

Роберту

Часть первая

Он ползал на четвереньках. Из носа на пол текла кровь. Алые капли падали на персидский ковер, пачкали одежду. Можно было подумать, что нос ему сломал какой-нибудь боксер. Правым крюком. Но все было иначе. Во всем виноват кокаин. Он не мог встать на ноги – не получалось. Пытался и снова падал. Чуть в стороне, под столом, лежала крошка, белое зернышко на ковре. Понятно, что это могло быть что угодно. Хлебная крошка. Обычная соринка. Частичка грязи, стиральный порошок... Не важно. Это мог быть и кокаин. Кокаин, им оброненный. На понюшку не хватило... Давай в рот, крошка! Как, черт побери, такое могло случиться!? Встреча. Завидная должность, которую ему предложили. Он расплакался. Снова попытался встать. Кровь текла, не переставая. Он вспомнил о детях, у него четверо детей. Потом наступил обморок.

1

Алкоголь и наша жизнь неразделимы. Мы спешим в «Систему»¹, магазин алкогольных напитков, надо успеть до закрытия. В ресторане нам предложат карту вин. Без выпивки не обходится ни одна тусовка. Как только что-либо отмечают, звучат тосты и льется алкоголь. Где мы увидимся? Конечно, в пивной. Или зайдем на стаканчик вина. Возьмем дринк. Сходим на коктейль-парти. С девочками на обед. Кто-то прощается с холостяцкой жизнью и устраивает мальчишник – надо отпраздновать...

И в жизни нашей семьи алкоголь играл значительную роль. Еда, приготовленная на вине. Вино, подаваемое к еде. Одной бутылки, как правило, не хватало, ведь ужин надо как следует прочувствовать. По выходным вечера проводились вне дома, часто «за горячительным» ходили и на неделе. Естественно, все дороги вели в бар или трактир, где – понятное дело – пилося.

Что употреблялось – это зависело от времени года. Летом к кофе – обязательно кальвадос или коньяк. Особенно за границей, там ведь все настолько дешевле! Можно пить, не переживая за счет. А кроме того, за границей все пьют больше, чем у нас в Швеции, а значит, мы только придержива-

¹ «Системболаг» – сеть государственных магазинов в Швеции, в которых разрешена продажа алкогольных напитков, включая крепкое пиво.

емся всеобщей традиции питья. Зимой отдавалось предпочтение виски. Горы, бар в отеле... Сначала один стаканчик, затем второй, третий. Бог любит троицу. Виски, говорят, не терпит одиночества. А пиво лилось рекой круглый год. Двенадцатиградусное, с белым куполом пены. Запотевший бокал. Большой бокал – вот это пиво! Еще разок, пожалуйста. Еще парочку бокалов...

Бывать в обществе означало пить. Без алкоголя – ну никак. Как будто все в этом мире вертится вокруг выпивки. Конечно, ссылка на светскую жизнь всего лишь попытка оправдаться, повод наклюкаться. Или одно с другим переплелось настолько, что уже невозможно и различить? В любом случае, у Рихарда это не получалось.

Когда мы встретились впервые, оба были навеселе. От нас несло пивом, вином, ликером. Носы щекотал резкий сладковатый аромат, молекулы запаха.

Поцелуи Рихарда имели привкус вина, трактира, свободы, и я влюбилась в него так, что было почти больно. Я так долго ждала его, и любовь, им подаренная, была чистой, без нотки фальши. То, что произошло с нами в день первой встречи, напоминало химическую реакцию. Сердце мое на какой-то момент остановилось, на лбу выступил пот, и закружилась голова. Я покраснела и не могла отвести от него глаз, а он чувствовал то же самое и не мог оторвать от меня взгляда. Что-то притягивало нас друг к другу, и с этим нельзя было

ничего поделывать.

От нас пахло алкоголем и табаком и, возможно, чуть-чуть кремом, купленным в «Боди шопе», который не тестируют на животных. Как влияет алкоголь на зверей? В Японии втирают в кожу коровам саке, чтобы получить более нежное мясо. Однажды какая-то кошка объелась забродившей черешней, опьянела и бегала вокруг с вытаращенными глазами. Как-то по телевизору я видела пьяную собаку – она не могла удержать равновесие. Но еще никто не исследовал, сколько алкоголя выдержит белка, прежде чем перестанет собирать орешки и свалится с ветки наземь.

И о нас никто не написал научный трактат. Мы были как подопытные кролики без права на гонорар, главное предназначение которых – показать, как далеко можно зайти. А может, нас и нашу жизнь издали все же наблюдали какие-то люди в белых халатах? Наши реакции. Наши чувства. Наше состояние утром следующего дня.

Рихард был пьян, когда я с ним познакомилась, да и на последующие наши встречи он приходил подшофе. Сначала я старалась не обращать на это внимания, но факт есть факт. В первый раз он был пьян до чертиков. Пьян как сапожник, вдрызг, дальше некуда. Лыка не вязал. Пьян до положения риз. Все вокруг, я полагаю, казалось ему каруселью. Расфокусированные глаза. На губах улыбка – и бессвязная речь.

И все же он был великолепен. Сиял своей пьяной кра-

сотой. Был настолько восхитителен, что заметно выделялся среди всех остальных. Рихард, мой Рихард обладал такой харизмой, что ее не могли уничтожить даже двадцать выпитых бокалов пива.

Природный инстинкт говорил мне – нет! Этот парень – нет. Мне уже доводилось встречаться с теми, кто выпивал. Так сказать, испытала, как пагубно может действовать алкоголь. Как тяжело бывает, если потеряешь над ним контроль. Казалось бы, этого достаточно. Но человек слаб. Вот вроде он разумен и мудр, а через мгновение уже на пути к беде, не подозревая, что стоит на краю пропасти.

Рихард и алкоголь были неразлучной парой. Они обожали друг друга. Любовь до гроба. Где бы ни оказался Рихард, алкоголь следовал за ним. Или уже поджидал его на месте.

В тот вечер, когда мы впервые встретились, нам едва удалось перекинуться парой слов. Но Рихард остался в моей памяти. Оставил там след. В тот вечер он ушел с кем-то другим. Мне бы поблагодарить за это судьбу и быть настороже. Но я поступила с точностью до наоборот. Как только мы встретились вновь, любовь атаковала меня всеми доступными средствами. Бах! Я увидела его. Это было на какой-то вечеринке в саду Музея современного искусства, где пиво плескалось в бумажных стаканчиках. Во всем виноваты его глаза. В тот момент опьянение еще не сполна овладело им. Я хлебнула пива и столкнулась с ним взглядом. Голос разума был мгновенно подавлен, отброшен. Да разве могла я под-

чиниться скучному рассудку, глядя в эти искрящиеся светло-зеленые глаза? Каждый нормальный человек поймет, что это невозможно.

Я смотрела в его глаза, и мы продолжали пить пиво. Был теплый майский вечер, и на сцене в саду Музея современного искусства играл какой-то малоизвестный оркестр, но мне было наплевать на то, что и как они играют, потому что происходившее со мной было намного важнее, чем любая музыка, важнее, чем пиво... А потом все приняло прямо-таки мифологический масштаб.

Я влюбилась.

Наше знакомство продолжалось уже несколько недель, и ни разу во время вечерних встреч Рихард не был вполне трезвым. Пил много, пил часто. Звонил мне и напрашивался в гости, а я пыталась сопротивляться: мне казалось безумием назначать свидание пьянице. Что оно сулило нам, что сулило мне? Я боялась, что он явится ко мне домой, я открою дверь, и он свалится на меня в коридоре.

И все же я не могла ему отказать. Неужели причина в извечной женской жалости? В стремлении кого-нибудь спасти? Возможно. Но здесь было и другое – я любила его. Я любила Рихарда как человека. Он был выдающейся личностью.

Иногда он не появлялся, но всегда звонил. Звонил часто. Бывало, засыпал на середине фразы. Рассказывал о том, что

чувствует, я говорила о себе, и вдруг – в трубке молчание. Алло? Я слышала его дыхание. Алло! Он не отвечал, и я сидела с телефоном в руке. Иногда я долгие минуты слушала, как на другом конце города он отключается, погружаясь в алкогольный сон. Я пыталась представить себе, как он выглядит. Плоский живот без лишнего жира и слишком просторные трусы-слипы. Майка, которую он не успел снять. Лежит на кушетке или в постели? Накрылся одеялом или сидит где-то на полу? Возможно, он позвонил сразу, как только вошел в комнату. Первым делом – к аппарату. Позвонить, чтобы услышать мой голос. Потом заснул и остался лежать там же, в квартире одного из друзей, у которого иногда ночевал. Лежит под журнальным столиком, среди старых газет и коробок из-под пиццы, между пропитанными потом кроссовками и пустыми пивными банками, с телефонным шнуром, обмотанным вокруг шеи. Я откладывала трубку в сторону, а спустя четверть часа, вновь приложив ее к уху, слышала его ритмичное дыхание.

Разве я не видела симптомов? Не замечала тревожных сигналов? Осторожно, этот парень для тебя опасен! Не влюбись! Ну, конечно, все эти приевшиеся предупреждения... Но я ведь не наивная маленькая девочка. Вполне возможно, что именно эти, периодически вспыхивающие сигналы опасности и спровоцировали меня. Я хотела доказать им, что они не властны надо мной. Что им не напугать меня и я не сдамся. Я хотела сама избрать мужчину своего сердца. Я хотела

его и никого другого. Все так просто!

Любовь была сильнее, чем все основания для беспокойства. Я влюбилась в Рихарда, хотя мы были такие разные. Честно говоря, мы вообще не подходили друг другу. Может, я хотела «спасти» его? Вернуть к жизни потерянную душу? Не исключаю. Я до конца так и не осознала, что мною двигало, но сказанное выше могло иметь место. Однако проблема состояла в том, что на самом деле Рихард вовсе не выглядел потерянным. Он был сильным и красивым и, казалось, не имел проблем. Он не походил на вечно пьяного попрошайку, к которому испытываешь жалость. Он был выносливым и самоуверенным, всегда делал то, что ему нравилось. И пил, когда ему хотелось. Спрашивается, кто имел право диктовать ему, сколько можно пить? Я считала его бунтарем. Человеком, который никому не позволит командовать собой. В какой-то степени он был составной частью моего собственного протеста. Протеста, который не имел четкой направленности. Разве что против меня самой.

Вначале мы виделись с Рихардом главным образом по вечерам. Дневное время отводилось другим делам. У меня, матери-одиночки, свободного времени было мало, да и Рихард, если честно, не страдал от его избытка. Мне приходилось заботиться о сыне Эдварде, я водила его в садик и забирала домой, писала статьи, вела хозяйство, выкраивая лишь немного времени для себя. Рихард был владельцем магази-

на грампластинок, а это требовало немалых забот, кроме того, он мотался по клубам и тусовкам. Такой молодой и уже такой занятый. Масса приятелей. Подающие надежды рок-группы, нуждавшиеся в помощи на пути к славе, в том числе и его друзья детства из «The Orphans», которым действительно удалось добиться успеха. То и дело рождались новые проекты и приходилось решать тысячу вопросов. Днем мы жили каждый своей жизнью, и только вечера и ночи были наши.

Он приходил ко мне домой. Всегда. Я оставалась на месте – перемещался он. Где бы я ни находилась, он умел разыскать меня. Расстояние роли не играло.

Словно некий современный бог, он спешил по мостам, мимо многоэтажек, мерцающих огнями, будто предвестник будущих несчастий. Он был солнцем, поднимающимся над горизонтом, солнцем, правда, пока тусклым и чуть заметным, но все же дающим надежду, что скоро станет светло.

Он приехал на велосипеде из южного пригорода. Или из западного? На нем были желтые клетчатые брюки и три майки на пару размеров больше, чем надо. Его борода была подстрижена так хитроумно, что я от души рассмеялась. Рихард снял свои сношенные кроссовки и положил в сторону пластиковый пакет, из которого торчал велосипедный насос.

– Слушай... – сказал он, весь, как обычно, пропитанный запахом табака и алкоголя. Его волосы были стянуты в хвост при помощи белой ленты, одна нить которой выбилась и рез-

ко выделялась на фоне темных кудрей. Волосы пахли пивнушкой и свободой, молодостью, всем тем, что я успела позабыть.

Он наклонился и привлек меня к себе. Я позволила обнять себя, только теперь, только на этот момент: в его поведении было что-то неотразимое, что-то притягивающее. Жизнь остановилась.

Он прикоснулся к моему лицу. Руки его знали, что им делать. Губы его были колодцем, в который стекли сотни литров пива, но когда он поцеловал меня, я была готова утонуть в нем. Он был нетерпелив и нежен одновременно. И хотел меня. А я хотела его. Его язык ощущался как язык незрелого юноши, но он был мужчиной. До меня он целовался уже, конечно, не раз.

Многие вещи, связанные с алкоголем, казались нам романтичными и забавными. Мы могли шалить по-разному, например, стоя у бара, биться об заклад, кто выпьет больше водки. С этим не было проблем. Прозрачная жидкость, напоминающая средство для дезинфекции, текла в горло. Этот дразнящий маслянистый привкус. Опыянение. Голова и холодна, и горяча одновременно. Ощущение тепла в горле, в животе. Мы развлекались ночи напролет. Позволяли алкоголю очаровывать нас, влиять на нас, соблазнять нас. Спокойно. Расслабься. Выпей рюмочку. Ты человек – пусть ничто человеческое не будет тебе чуждо. Мы пили и были веселыми и свободными людьми без обязательств. Ночь была на-

шей, и мир пивных был наш.

Рихард знал всех. Он решил создать собственный клуб. Я приобрела право получать все вне очереди. Сидеть на почетных местах в различных салонах для вип-гостей. Пить бесплатно бакарди, джин, кампари – что душа пожелает. В мой почтовый ящик слетались приглашения на новые вечеринки, которые я не посещала раньше. Кому бы это не понравилось? Рихард был из тех парней, с которым в школе мечтала дружить каждая девчонка. Этот мальчик, будь нам по четырнадцать лет, даже не взглянул бы на меня. Но теперь ему было двадцать, мне – двадцать семь, и он взглянул на меня и увидел. Увидел и восхитился мною. Полюбил меня. Я была для него королевой. Разве это не чудо? Любить его было легко и легко не замечать такую мелочь, как чрезмерное пристрастие к выпивке.

Не могу сказать, что мои родители пришли в восторг от моего нового друга. Нет, я бы заведомо говорила неправду, утверждая, что они обрадовались, когда я представила им этого темноволосого юнца в потрепанных джинсах и без высшего образования. Но разве моя мама не заявляла, что все мужчины хороши, если они порядочны? Повара в пиццерии, контролеры на транспорте, полицейские... Профессия роли не играет. Главное, чтобы мой друг был милым порядочным человеком. Наверно, все не так однозначно, когда дело дошло до меня. Но было уже поздно. Что могли ска-

зять или сделать мои родители, чтобы заставить меня отказаться от любви к Рихарду? Ничего. Родители ничего не знают. Они только могут наблюдать, как их дочь выбирает свой собственный путь. А пристрастия Рихарда к алкоголю они вообще не заметили. Мне кажется, мы оба сделали все возможное, чтобы не выдать себя.

– Рихард ведь не пьет? – спросила меня однажды мама.

Я посмотрела на нее и рассмеялась.

– Нет, конечно, – сказала я. Даже не знаю, что заставило меня лгать. Может быть, я не была уверена, что смогу отстоять свой выбор? Проще было все скрывать. Я не хотела попасть в положение, когда за Рихарда пришлось бы бороться. Потому что он, несомненно, скоро перестанет пить. Возьмет себя в руки. Взросление и выпивка как-то связаны между собой, просто таков обычай, ничего особенного. Он еще так молод. Все вокруг нас пьют, и пьют довольно много. Как можно оставаться трезвенником? Время трезвости еще придет. В будущем. Может быть...

Справедливости ради должна сказать, что Рихард не пил беспробудно, двадцать четыре часа в сутки. Прежде выпивал в уик-энд, как и остальные. Потом были будни. По мере развития наших отношений мы иногда стали встречаться и в середине дня, и Рихард стал членом моей маленькой семьи. Мы играли в папу и маму, вместе решали практические дела. Мы жили в целом трезво и прилично, можно ска-

зять, спокойно. Рихард начал отводить малыша в садик и забирать его, и я иногда задавалась вопросом, что о его молодой внешности и неукротимом поведении думают воспитательницы. Он делал покупки. Пылесосил. Казалось, что не слишком обременительная жизнь среднестатистического отца семейства ему по душе. Мы ужинали за одним столом и даже не всегда покупали к ужину вино. Говорили о самых обычных вещах и смеялись глупым шуткам. Радовались тому, что мы вместе. Что, несмотря на теорию вероятности, наш союз удался. Все выглядело как надо. Чудесно. Прекрасно.

Я и представить себе не могла, что придет время и тусовки станут жизненно важной проблемой.

Но ведь пили все. Такова жизнь...

Когда я поняла, что Рихард пьет слишком много? Этот вопрос рано или поздно приходится задать. В какой момент возникает подозрение, переходящее в уверенность?

Когда потребление алкоголя чревато опасностью? Каковы признаки этого? Как и многие другие, я боялась ошибиться. А вдруг я излишне подозрительна? Может, то, что он пьет и на работе, в порядке вещей и я напрасно веду себя как истеричная моралистка. Я долго боялась что-либо сказать, обвинить его. Долго колебалась. Я не могла точно определить, где проходит граница. Но это надо было сделать.

Вообще-то все очень просто.

Если вам кажется, что кто-то слишком много пьет, веро-

ятнее всего, это действительно так. Если вы нутром чувствуете, что с алкоголем не все в порядке – ваше предчувствие обоснованно. Алкоголь уже вышел из-под контроля. Если вы переживаете и нервничаете, значит, для этого есть причины. И точка. Близкий вам человек на грани опасности. Если вы напрягаетесь, как только речь заходит о выпивке, – внимание! – вы уже все знаете. Знаете точно, потому что внутренний голос, который вам это подсказывает, никогда не ошибается. Его нельзя обмануть. Вы можете поддаться самообману. Но тот слабенький голосок, живущий внутри вас и всякий раз просящий слова, прав. Его не обманешь. Он неприятен, но он не лжет. И мне стоило прислушиваться к нему чаще. Тогда я могла бы все осознать гораздо раньше.

На тусовках и в пивнушках Рихард пил больше и быстрее всех и, конечно, больше всех бывал пьян. Вскоре мне стало ясно, как выглядят те вечера, когда его нет дома. В большинстве случаев он заходил в кафе перекусить, проглотить, к примеру, гамбургер. Потом в ход шло пиво. Пол-литровые бокалы, которые он опрокидывал один за другим, одерживали над ним победу, благодаря своим пивной пеной накачанным мускулам. Пиво безжалостно бросалось в атаку, победным маршем проникало внутрь. Потом наступала очередь виски. Наконец он оставался на поле брани в гордом одиночестве – и пил. Стол заполняли пустые стаканы. Запах пива был вездесущ. Виски лилось с небес. А он продолжал

пить с каким-то особым мужеством, без усталости. Никогда не останавливался прежде, чем наступало мертвецкое опьянение.

В самом начале нашей «семейной» жизни и я, бывало, злоупотребляла алкоголем. Опьянение казалось мне прекрасным забытьём. Я могла произнести вслух то, что в трезвом виде никогда бы не сказала. Чувствовать себя сексуальной. Исчезали границы и барьеры. В этом не было продуманной стратегии, но я считала, что алкоголь вполне может присутствовать в моей жизни. Я пила, потому что подшофе на тусовках человек чувствует себя расслабленным. Мужчины выглядели красивее. Иногда я пила, чтобы забыться, в другой раз – чтобы что-то вспомнить. Но в самом процессе выпивки не было прямой осознанной цели.

Мне хотелось быть свободной. Не сдерживать эмоций. Смеяться. Мне нравилось пить, как пьют мужики. Падать под стол, выпив море текилы. Потом меня выворачивало в сугроб, и я клялась себе, матери и господу Богу, что больше никогда не возьму в рот ни капли. Но клятвы иногда имеют короткую жизнь. Назавтра был новый день.

Я не помню точно, когда произошел перелом, с каких пор я стала воспринимать алкоголь как врага, а не утешителя. С какого-то момента его «аромат» стал мне противен, напоминал наказание, запах мертвечины. У меня в желудке начинались спазмы, стоило выпившему пассажиру в автобусе

дыхнуть мне в лицо. Однажды я не смогла сдержаться, когда в метро рядом со мной оказалась женщина, распространявшая запах вчерашней попойки. Он отравил воздух вокруг, и я не могла дышать. Не знаю, когда случился этот перелом. Но он произошел, и это продолжается до сих пор.

2

Для матери-одиночки все мужчины – потенциальные кандидаты на место Избранника. Но если бы кто-нибудь сказал мне, что им будет он, парень, которого я встретила в тот майский вечер и который выглядел таким юным и несерьезным... Я бы высмеяла его. Одинокая женщина-мать ищет опору и безопасность. И главное – ей ни к чему новые проблемы вдобавок к имеющимся. Но разве могла я знать, что встретила свою судьбу? Ну и ну, это звучит так глупо. Но, к сожалению, так оно и случилось.

Мы с Эдвардом, которому уже было четыре года, жили недалеко от центра, в квартире площадью семьдесят пять квадратных метров, на первом этаже, рядом с небольшим двориком. Квартира была немного темновата, но я любила ее. Эдвард спал в комнатухе, которую раньше занимала прислуга. Напротив нас проживал чокнутый таксист, каждую ночь менявший женщин. Дом состоял из маленьких квартир, в которых жили люди без партнера, одинокие матери и отцы и разные странные личности. Иногда в доме стоял такой гам, что я от него уставала. Бытовуха выпирала наружу, напоминала о себе, иногда довольно неприглядно. Гам заставлял понять, что человек в жизни должен быть готов ко всему. И приспособиться.

Добиться, чтобы все наладилось, – это настоящий бег на

марафонскую дистанцию. Мне нужно было встряхнуться от ежедневных утомительных забот. Казалось, мой удел – раздвоение. С одной стороны, детский мир: детсад, игры с Эдвардом, минуты покоя на диване и «Спокойной ночи, малыши!» у телевизора в шесть. С другой стороны – стресс, ведь лямку фактически тянула я одна. Отец Эдварда помогал очень мало, а точнее, не помогал вовсе. Формально сын был отдан на попечение нам обоим, что в действительности ни к чему моего бывшего супруга не обязывало. Я развелась с ним из-за его непрекращающегося пьянства. Он никогда не мог мне этого простить. Конечно, я знала, что привязанность многих мужчин к своим детям зависит, прежде всего, от их взаимоотношений с женами, и коли они разладятся, то есть жена скажет: «Спасибо, не хочу, до свидания», то это отразится на отношении мужа к их общему ребенку. Думаю, что мой «бывший» хотел наказать меня, но наказал только Эдварда и, наверно, себя. Во время бракоразводного процесса мой адвокат предупредил меня, что борьба за ребенка может продолжаться вплоть до совершеннолетия Эдварда. Различные споры и недоразумения могли годами подспудно тлеть, чтобы вдруг по какой-то причине неожиданно вспыхнуть. А если бывший муж еще и алкоголик, то он мог совершенно спокойно исчезнуть невесть куда, а позже появиться как неприятный сюрприз и начать тяжбу снова.

Я зарабатывала на жизнь составлением рекламных текстов и писала для нескольких агентств. В основном это была

реклама модной одежды. Короткие элегантные строчки об осенних куртках. Детская одежда для любой погоды. Иногда я сочиняла что-то о косметике. Крем для лица. Гель для душа. Косметические тампоны из чистого хлопка. В работе я была ас. Надежная. Вовремя сдающая заказы. Быть на вольных хлебах меня устраивало. Я могла позволить себе сидеть дома за компьютером и пописывать сказки, увеличивающие продажу мужских ботинок, дамских туфель и особенно качественных перчаток. Тра-ля-ля. И нет проблем. Даже мозговые извилины напрягать не приходилось.

Сдать заказ, затем забрать сына из садика. В пивной я была уже уставшей. Сказывалась раздвоенность существования матери маленького ребенка. На вечер черная юбка и ярко-красная помада. Надо развеяться. Завлечь домой мужика. Секс без обязательств. У тебя есть дети? Есть. Ой, какая прелесть! Но... Тебя это не касается. Я не хочу, чтобы ты «делал Эдварду папашу». Переспим, а потом – вон там дверь... Мы занимались любовью, и иногда получалось хорошо, а иногда – не очень. Каких-нибудь стоящих воспоминаний от этого не осталось. Случалось, я приводила их к себе сразу после знакомства. Если язык прищельца лежал у меня во рту словно дохлая крыса, парень не имел шансов совать что-либо в иные части моего тела. Дохлая крыса. Хватит, приехали. В мире столько ничтожных мужчин.

Рихард ничтожным не был. Он не считал, что дети всего лишь забавный придаток. В тот вечер, когда мы познакоми-

лись, он засмотрелся на мое ожерелье и сказал, что оно ему нравится. Я ответила, что это подарок от сына ко Дню матери. «От сына? У тебя есть сын?» – спросил он, и я кивнула в знак подтверждения. «Я думаю, что ты самая лучшая мама в мире», – сказал он с улыбкой. Он не испугался, узнав о сыне. И не комментировал это так, как будто речь идет о забавном щенке. «Я тоже хочу иметь с тобой детей», – заявил он после того, как мы стали встречаться, и я была уверена, что он не шутит.

– Он наверняка сумасшедший. Сколько, ты говоришь, ему лет? – спросила Шарлотта, моя сестра, старше меня на два года.

– Двадцать, ну и что?

– Двадцать! Он вообще не представляет, что это такое – иметь детей. Двадцатилетние пацаны детей заводить не должны. К тому же он пьет. Да он вообще еще недоросль. Во всех отношениях. Мариска, кошечка, остерегись. Ты уже раз обожглась.

Я мотнула головой. При всей моей любви к сестре я не могла с ней согласиться. Знала, что она ошибается относительно Рихарда. Я была убеждена, что Рихард умнее остальных, умнее, чем мой «бывший», умнее всех тех мужчин в возрасте около тридцати, с которыми мы обычно общались.

– Единственной проблемой, наверно, будет его чрезмерное пристрастие к выпивке, – ответила я Шарлотте, сидевшей у меня на кухне и наблюдавшей, как я готовлю подливку

к спагетти.

Она покачала головой.

– Все кончится крахом. Причем серьезным, если хочешь знать мое мнение. Мариса, неужели ты не способна найти себе нормального мужика, выйти за него замуж и иметь с ним кучу детей, как ты всегда мечтала? От одного отца...

– Ты, главное, не говори маме, что Рихард пьет. Я ей об этом не сказала, – прервала я сестру, не ответив на ее вопрос.

Золотце ты мое, Шарлотта. Сестре не везло с мужчинами, пожалуй, еще больше, чем мне. Моя милая сестрица, столь же красива, сколь и умна. Но все еще одна. Сколько раз мы обсуждали это! И со всех сторон...

Какое счастье, что она у меня есть. Я могла быть с ней искренна, советоваться с ней, несмотря на то, что иногда ее советам была грош цена. Но сам факт, что она рядом, давал некую уверенность. Бедные девушки, не имеющие сестер! Если бы мы с сестрой могли жить вместе, я не сомневаюсь, мы были бы счастливы до самой смерти. Но Шарлотта мечтала о ребенке. О собственной семье. Она охотилась. И я знала, что от своей мечты сестра не откажется.

– Но ты ведь можешь сказать ему, чтобы он бросил пить, – вздохнула Шарлотта. – Он же не алкоголик, правда?

– Нет, – ответила я. – Конечно, нет.

В состоянии влюбленности довольно сложно выдвигать какие-либо условия. Пытаться изменить партнера. Я не хоте-

ла выглядеть занудой. Ведь я видела, как ему в пивной нравится. Там проходила вся его, если так можно выразиться, светская жизнь. Я чувствовала, что это неприкасаемо. В любом случае, прямая атака недопустима. Но прошло немного времени, и я попыталась дать ему понять, что мне не очень нравится, как он пьет.

Он явился ко мне домой как обычно, и мы улеглись в постель. В затемненной спальне воздух пропитался запахом алкоголя: Рихард пил.

Рихард под моим одеялом. Мои ноги переплетены с его ногами. Его руки на моем теле. Вдруг открывается дверь и просовывается голова моего малыша.

– Мама?

– Эдвард! Ты не спишь?

Будто сцена из фильма: двое взрослых резко садятся в постели, где все так живописно разбросано во время сексуальной игры. В голове мысль: Эдвард не должен вдыхать запах алкоголя. Рихард тогда только что стал моим партнером. Ночные пташки, как известно, не встают до рассвета, не варят кашку, не целуют детский лобик, вспотевший со сна. Он сказал, что сделает это с удовольствием, но я ему не позволила. Пока еще не позволила. Он был так молод, и у меня не было никакой уверенности в нем. Я не знала, что будет дальше, и хотела защитить Эдварда. Ему совсем не обязательно знать всех любовников, которых мама пускает в свою спальню.

И почему я выбрала себе мужчину, которому по виду и двадцати не дашь, который по ночам разносил приглашения на очередную тусовку, который ездил на велике с ободраным седлом, только и делал, что веселился, и выглядел столь несерьезно? Из-за этого и случилась наша первая ссора. «Тебе за меня стыдно? – выпрашивал он. – Стыдно, признайся!» «Не стыдно. Но мы очень разные, Рихард. Ничего у нас не выйдет».

Но в данный момент он лежал со мной, и все получилось намного лучше, чем я могла предположить.

– Кто это? – спросил еще сонный Эдвард, показывая пальцем на Рихарда.

И правда, кто он, собственно? Знакомый? Друг? Хороший друг, который... Да нет!

– Я тот, кто очень-очень любит твою маму, – ответил Рихард, прежде чем я успела собраться с мыслями, и вскочил с постели. К счастью, он еще не успел снять трусы-слипы. – Пойдем, я отведу тебя в кроватку, – предложил Рихард.

Эдвард, протестуя, завертел головой.

– Не-е-т... Я хочу спать с мамой.

Конечно, он добился своего. Одиноким мамам почти никогда не скажут своему любимому ребенку «нет». Дитя разведенных родителей... Невинный, побежденный в битве, развязанной супругами из-за своего эгоизма. Как можно ему в чем-либо отказать? Как его не баловать? Он залез ко мне, обнял ручонками за шею. Моя мама. Только моя и никого

другого. Он бормотал что-то непонятное мне в ухо. И так мы спали втроем. С одной стороны от меня Эдвард, с другой – Рихард. Его рука на моем боку. Я чувствовала ее тяжесть, и мне это нравилось.

Сначала я осторожно попросила Алкоголь потерпеть. Просила Рихарда немного снизить скорость. Объясняла ему, что частично это из-за Эдварда. Мол, ни к чему ему все время вдыхать алкогольные испарения. Если ночью рядом с ним будет кто-то пьяный. Допустим, что мы собираемся иногда спать в одной кровати втроем. В таком случае лучше, чтобы Рихард почаще бывал трезвым...

Я позвонила ему и в разговоре затронула эту тему.

– Я не собираюсь бросать пить, – сказал Рихард. – Не могу себе представить жизни без выпивки. Без виски. И главное – зачем?

Через открытое окно в комнату проникала летняя жара. Доносилось позвякивание бутылок из-за ограждений у тракторов. И, словно наяву, я видела перед собой кружки, полные пива. Бутылки на столах. Толпы народа, курсирующие от банкоматов к бару и обратно. Такси, которые с трудом избегают столкновения. Очереди перед модными ресторанами. Я знала, что Рихард ночью собирается на попойку. Мне не хотелось идти с ним. Честно. Наоборот, хотелось испытать его, насколько он готов пойти мне навстречу. Уже тогда.

– Но, может быть, ты сегодня не станешь много пить? –

сказала я, и это прозвучало просительнее, чем мне бы хотелось.

Молчание.

– Черт возьми, неужели ты не можешь пить минеральную воду или что-нибудь подобное? Меня уже перестало забавлять, что ты всегда приходишь ко мне в стельку пьяным. Кроме того, мне рано вставать.

– Отлично. Выпью только кружечку пива. Приду около одиннадцати, идет?

Конечно, идет. И на том спасибо. Я поверила ему и положила трубку. Спальня подождет – я смотрела телевизор. Раз он сказал в одиннадцать, значит, придет в одиннадцать, думала я.

Это было еще до того, как ночные ожидания стали для меня правилом: вот часы отбили полночь, затем час, два, три... Это было еще до того, как я привыкла испуганно просыпаться в полчетвертого и с тоской обнаруживать, что его нет. Это было еще до того, как я начала обзванивать его друзей, чтобы узнать, на чьем диване он спит. Да, это случилось еще до того.

Понятно, что одной кружкой дело не ограничивалось. Он пил, пока что-то не говорило ему: хватит. Это мог быть пустой бумажник. Или: сорри, закрываем. Думаю, значительно реже тормозом являлась мысль о том, что кто-то лежит дома в постели и ждет его. Что этот кто-то каждые пять минут смотрит на часы. Что этот кто-то напряженно вслушивается,

не скрипнула ли дверь.

Он пил, и чем дальше – тем больше. Вот так безжалостно расставлены приоритеты в жизни алкоголика. На первом месте всегда стоит тот, кто пьет, тот, кого нет дома. А потом – пустота. И только где-то в конце смутно видна «та, другая». Женщина, которую бросили. Она всегда в невыгодном положении. Сидит и ждет у телефона. У аппарата, который никогда не зазвонит. Или стоит у окна. Стоит и наблюдает, как подъезжают такси. Ждет, когда из машины выйдет знакомая фигура и появится дома. Можно также сидеть за кухонным столом. Или на диване. Можно пить чай и волноваться, не случилось ли с ним чего. Нет, она ему не мама. Но ведет себя, как мама. Она в невыгодном положении ожидающего. В плену пустой квартиры. В плену неуверенности. В плену молчащего телефона. Она ждет, она не может куда-нибудь уйти. Ей отводится пассивная и в то же время унижительная роль. Нельзя покинуть свой пост, ведь он может в любую минуту вернуться. И женщина продолжает ждать. А ночь исчезает минута за минутой.

Но мы любили друг друга, а Рихард любил Эдварда, и тот отвечал ему взаимностью, и даже Шарлотта наконец признала, что Рихард необыкновенный парень. В конце концов она помогла мне поместить объявление по обмену квартиры, а о ночах бесконечного ожидания не сказала нашим ни слова. Я, собственно, и ей не всегда и не все рассказывала, но надо быть справедливой: иногда Рихард приходил вовремя и трез-

вым. Более-менее. Нет смысла преувеличивать. Не хочется сгущать краски. Наша жизнь была, надо признать, сносной. Во всех отношениях.

Мы нашли квартиру просторнее и переехали в отдаленный квартал, чтобы начать с чистого листа. Мы с Рихардом стали жить по-семейному. Мне уже недостаточно было встречаться с ним только по ночам, в постели. Пришло время, и он стал мне нужен и днем. С ним я чувствовала себя лучше. А пьянство? Да ерунда это, ничего страшного. Кто из нас не бывает иногда пьян? И я напивалась, бывало. Как я могу быть ему судьей? Мои оправдательные механизмы работали на полную катушку. И весьма эффективно. Вероятно, уже тогда я стала зависимой. Зависимой соучастницей, стремящейся к созданию прочной семьи. Все дохлые крысы – вон из моего дома! Я хотела иметь человека, которого знаю. Который любит меня. Я хотела Рихарда. Его – и никого другого.

– Ты всегда была невероятно твердолюбой, – комментировала Шарлотта.

Быт всегда требует каких-нибудь конкретных дел. Рихард обладал талантом обустройства дома. Покрасил комнату Эдварда. Разработал проект и изготовил книжные шкафы, которые заняли стены нашей гостиной. Сверлил и свинчивал, а когда что-нибудь ломалось, умел починить. Он стал бывать дома чаще, ведь это был наш общий дом, а не мое времен-

ное послеразводное убежище. Новая квартира принадлежала нам обоим. Мы стали настоящей парой. Ему было двадцать один, мне двадцать восемь. Между нами лежало семь лет. Когда я пошла в первый класс, он только родился. Когда он учился ходить, я бегала по школьным коридорам. У меня впервые появились месячные, когда он вышел из детсада. Я получила первый сексуальный опыт, а он как раз прочитал свою первую детскую книжку. Ну и что из этого? Разница в возрасте. Такая мелочь. Фундаментом наших отношений была страсть. Не повседневность. Кроме того, речь шла о теперешней жизни. А не о том, что каждый из нас делал в семидесятые годы.

– Но если тебе больше подходит мужик, который будет тебя финансово обеспечивать – только скажи, – иногда шутил он, вороша мои волосы. – Милая, признайся, тебя ведь не устраивает, что мне только двадцать один. Тебе бы больше понравилось, будь мне, скажем, сорок.

– Да, так было бы лучше, – отвечала я. – И чтобы ты не пил так много виски.

– Но... Когда мы чуть состаримся, будем больше подходить друг другу, – сказал Рихард. – Я хочу жениться на тебе. Ты согласна?

Что я могла ответить? Сказать «нет»? Я этого не сделала. И мы поженились.

В тот год, когда Рихард стал пить больше, я научилась

внимательно прислушиваться. У меня развилась невероятная способность издалека различать его шаги, еще на улице. Я даже могла оценить, насколько сильно он пьян. Все зависело от того, каким образом его каблуки касались тротуара. На тысячную долю секунды быстрее, на пару децибелов громче – значит, пьян вдребезги. Я лежала без признаков сонливости и слышала все, шаг за шагом. Открывается дверь в подъезд. Лифт едет вниз. Дверь лифта закрывается с агрессивным лязгом. Я почти видела, как Рихард расправляет плечи перед зеркалом в лифте. Как приглаживает рукой волосы. Как мнет глаза. Потом – ключ в дверях. Случалось, что с первого захода он не попадал в замочную скважину, и, казалось, проходила целая вечность, прежде чем ему удавалось вставить ключ в замок и открыть дверь. Тогда я лежала в темноте, напрягшись, и гадала, насколько он пьян. Правда, ответ был всегда наготове: очень. И тогда оставалась только мольба: ну, пожалуйста, хоть в этот раз немного меньше. Хоть чуточку.

Сначала я пыталась с ним говорить сразу по его возвращении домой. Меня душило раздражение, злоба. Из рта вылетали обвинения. Было нечто привлекательное в возможности облечь свои эмоции в острые фразы.

Так я поступала вначале, когда еще считала, что его пьянство – это способ наказать меня. Наказать? Я точно не знала, за что. Это было похоже на борьбу, в которой каждый стремился выиграть. Победить другого. Пьяница или трез-

венник. Я была полным эгоцентриком. Я всегда считала себя причиной его пьянства. Не понимала, что дело исключительно в нем самом. Что он не может перестать пить, но в то же время хочет быть милым и внимательным ко мне.

– Я не хочу бросать пить, – повторял он неустанно. – Не хочу.

И я его понимала. Вроде это нормально. Как он сможет жить, не прикладываясь к рюмке? Ведь вся его – наша – светская жизнь проходила в пивных. Мы общались с людьми, которые пили. Человек нашел работу, потому что встретил кого-то в трактире. Случайные встречи. Люди увиделись, выпили «за здоровье». Алкоголь развязывает языки, и легко завязывается разговор о каких-нибудь планах. Их начинают развивать. Человек знакомится с людьми, которые могут быть полезны, и скрепляет знакомство, предлагая новый тост. Пили постоянно и по любому поводу. За дружбу, за карьеру, за хорошую сделку, за любовь или секс.

Я вспоминаю, как до меня впервые дошло, что выпивка может представлять собой серьезную проблему.

Мы с Рихардом шли по улице Кунсгата и решили зайти на торжественное открытие нового клуба. Выпивка бесплатная. Возбужденное настроение. Мы молоды, красивы, любим друг друга, у нас все о'кей. Целуемся на улице перед клубом.

На вечеринке пьем, словно соревнуясь. И сколько же вис-

ки мы приняли на грудь? Я упиалась в стельку, а Рихард еще больше. По дороге домой ссоримся с таксистом. Эта сторона характера Рихарда мне пока не известна. Когда таксист поехал не тем путем, Рихард разозлился. Повысил голос. Его аргументация понятна, но все равно неприятно. Он добился своего: таксист с нас не взял за проезд. Я почувствовала, что мне импонирует поведение Рихарда. Одновременно где-то гложет червячок сомнения. Такой молодой и уже такой жесткий. Проявление его силы застало меня врасплох. Смысл слова «манипуляция» я испытаю на своей шкуре позже.

Концерт в помещении бывшего склада. У Рихарда с собой в сумке бутылка виски. Пьем из горла, и софиты моргают красным, зеленым и синим. Он пьет больше, чем я, но не пьянеет. Наши поцелуи имеют привкус алкоголя. Я к нему привыкла, и он мне нравится. Он предсказуемый. Поцелуи Рихарда таковы всегда. Мне стало немного плохо. В туалете очередь. Мы выбираемся из зала, потому что я чувствую позывы рвоты. Спотыкаюсь и падаю на землю. Рихард поднимает меня. Мы стоим, обнявшись, под звездами.

Дома мне никогда не нравилось, как он выглядит пьяным. На улице с этим можно было смириться. Но дома, в нашей квартире, в пьяном виде он был мне противен. Я ненавидела его уставшие глаза и несвязную болтовню. Эту составную часть Рихарда я отвергала. Мне хотелось, чтобы он был трез-

вым, чтобы утром встал и нашел себе работу, чтобы был молодым, подающим надежды. Для меня не было секретом, что остальные девушки от него без ума. Но он выбрал меня. На мне сказался развод, внешне я выглядела сильной, но внутри было много боли. Одинокая Мать встретила Хулигана. И они начали жить вместе.

– Я хотел бы иметь с тобой ребенка, – сказал он. Сказано было серьезно. Он не боялся.

– Ты слишком молод, – ответила я.

– Это неправда, и я чувствую, что нашел свою единственную, – возразил он.

3

Следовало бы подыскать другое слово. Взамен слова «алкоголик». Какое оно мерзкое! Алкоголик. Перед глазами сразу возникает грязный мужик, лежащий где-нибудь в переходе под ворохом газет. Или в канаве. Вижу эдакую развалину средних лет, он шатается и матерится. От него несет мочой и невымытым телом, к которому мыло не прикасалось уже несколько месяцев, возможно, лет. Вижу щетину на лице и мутный взгляд. Красный нос, спустившиеся, плохо сидящие, запачканные брюки. Вижу убогую женщину, роющуюся в буфете в поисках остатков вина. Чувствую ее одиночество и страдание. Она вся в морщинах, со спутанными прядями седых волос. Жизнь не удалась.

При слове «алкоголик» я никогда не вижу здоровых молодых мужчин с творческими способностями. Не вижу красивые руки и плоские животы. Белые зубы и ухоженные волосы. Мальчиков, которые на своих скейтах выделывают такие фигуры, что дух захватывает. Рокеров, которые ходят со сладкими девчонками в черном. Ребят из рекламы, зарабатывающих сотни тысяч. Звезд с широкими искусственными улыбками, целующих друг друга в щечки.

Когда я слышу слово «алкоголизм», я не вижу ни молодости, ни силы. Картинка, которая ассоциируется с этим словом, несправедлива в отношении данной болезни. Но и она

правдива. Во всяком случае больше, чем можно подумать. Алкоголизм – вещь предательская и умеет скрываться за разодетым и спортивным фасадом. За молодостью. Люди бывают так поверхностны, считая, что красивый человек, имеющий хорошую работу, не может быть убогим алкоголиком.

Алкоголизм. Слово, которое больше подходит к другому поколению. К поколению, пережившему кризис тридцатых годов. К людям, которые искали противовес своим неудачам и несбывшимся мечтам в бутылке. К тем, кого хмель лишил всего. Кто пропил семью, жену и детей. Лишился работы и жилья. Потерял репутацию. Их лица огрубели, покрывшись сетью красных прожилок. Поры расширились и забились грязью. Они стали иным типом людей – алкоголиками.

Никто не говорил о новых алкоголиках. О тех, кто родился с лицом Януса. О тех, кто открыто насмеялся над всем старым. Они непревзойденны. Они могли прекрасно выглядеть, делать карьеру, иметь нормальные отношения в семье (по крайней мере внешне) и одновременно проспиртоваться и пить до потери пульса.

Я никогда не употребляла слово «алкоголик». Во всяком случае в первый год знакомства с Рихардом. Его не было в моем словаре. Да что вы, Рихард! Повзрослеет и бросит пить. Ему надо созреть. Бросит из-за меня. Или из-за семьи. Он сделает это, если у нас будут дети.

Потому что он не такой. Никакой он не алкоголик.

Другие? Не исключено. Но не человек, за которого я вы-

шла замуж.

Неизреченное вслух слово, возможно, не существует. Может быть, если не называть вещи своими именами, это расколдует их. Если я никогда не назову его алкоголиком, может, он им и не будет? Не настоящий алкоголик... Значит, все не столь страшно. Ал-ко-го-лик. Язык – это мощный фактор. С другой стороны: если я скажу, что он алкоголик, вдруг он возьмет и станет им. Если он уже до того не был алкоголиком. Я была до смерти напугана вероятностью того, что если я произнесу слово вслух, оно станет реальностью. Не хотелось накликать беду. Предрассудки. Если некое слово считается табу, то иногда табу становится и проблема, им обозначаемая. Проблема исчезает. Ее уже нет.

Почему одинокая мать не влюбится в порядочного, надежного и зрелого мужчину? Почему она не довольствуется приличным человеком, который был бы хорош для нее? Почему вместо этого выбирает себе человека, чрезмерно пьющего, у которого, вероятно, в запасе еще и наркотики? Почему с упорством безумца она призывает на свою голову новые проблемы?

Если честно, мне казалось, что большинство так называемых нормальных мужчин очень скучный народ. Да-да, такое было мнение. Мне не везло. Все были так заняты собой. Как правило, и в постели проявлялись слабо. Некоторые из них были образованны, но не имели никакой мечты. И обаяния.

Другие имели все возможное, только не красоту. И не отличались красноречием, а значит, не могли заинтересовать. Даже простой разговор был для некоторых проблемой, и таковых я моментально списывала со счетов. В один прекрасный день я поняла, что некоторым людям надо дать больше шансов, чем один. Но в тот период скучные мужчины быстро утомляли меня.

Молодой бунтарь обладал достоинствами, которых не было у других.

Скажу вам напрямик: нет более привлекательного человека, чем выставочный экземпляр алкоголика – это молодой, суперсовременный мужчина. Он интересен. Способен взглянуть на себя со стороны. Искренен. Ворвется к вам и покорит вас. Если вы к этому готовы, то подчинитесь его обаянию, сами не зная как. Он джентльмен. Деньги – не проблема! Он знает, как подобраться, как вцепиться в свою добычу. Носит вам цветы. Подарки, нетривиальные подарки. После нашей первой ссоры Рихард купил мне в отделе-люкс универмага «НК» медвежонка, окрашенного в красно-белую шашечку. Медвежонка с любовью. Никогда раньше мне медвежонка в знак любви не дарили. Конечно, после этого я не могла на него сердиться долго.

Джентльмен – поначалу это великолепно. Милый мальчик покупает божественную еду. И вино. Живет на широкую ногу. Плевать на завтра, вечеринка сегодня! Сегодня всегда вечеринка, а завтра – это далеко. Едим и икру, и яйца перепел-

ки, и вырезку. Пьем шампанское. Как же иначе? Маленькие конфеты с начинкой из белого шоколада спят под целлофаном в специальной коробочке. Туфли, которые давно очень хотелось, но нельзя было себе позволить. В один прекрасный день они лежат в красивой коробке на твоей подушке. Конечно, человека легко купить. Подношения располагают. Как это чудесно – позволить себя баловать. С матерями-одиночками такое случается нечасто.

После джентльменского периода наступает период мегаломании. Ведутся речи о дальних путешествиях. О собственной фирме. О том, как будет разрабатываться дизайн и производиться мебель высшего сорта, которая пойдет на продажу в Лондон, Париж и Милан. Об открытии своей галереи. Или о более скромных вещах, к примеру, как мы летом с караван-прицепом прокочуем по всей Европе. Планы! Они такие фантастические и щекочут нёбо точно так же, как пузырьки шампанского.

И уверенность. Чувство, что нет ничего невозможного. Что мы можем все. Мы вдвоем. Вместе. Мы на вершине, и весь мир лежит у наших ног. Купить дом на Бали – нет проблем! А Рождество можем отпраздновать в Гонконге. Можем отправиться в рай, не важно, где он находится. Вера мегаломана в свои способности не знает границ и препятствий. И вы утопаете в его великолепных мечтах. С благодарностью принимаете их. Думаете обо всех этих чудесных вещах, до которых рукой подать, и даже не отдаете себе отчет в том,

что в данный момент еле бредете уставшими ногами по снеговой жиже. В магазин за рыбными котлетами.

Кому бы не хотелось, чтобы в его жизнь вошел чародей с волшебной палочкой? Однако под его магической абракадаброй часто скрывается другая, менее чудесная реальность. Большинство планов не превратятся в чудо. Дорога к солнцу приведет в тюрьму. Но мечты не умирают. Мечты – это, скорее всего, та движущая сила, которая превращает севшего на иглу человека – наркомана, алкоголика – в то, чем он оказывается в результате. Страшные слова. Алкоголик. Наркоман. Страшные и для того, кто с ним живет. Для «той, что рядом», которая сначала эти зловещие слова обходит стороной, но потом они становятся старыми знакомыми, входят в повседневную жизнь. Проходит некоторое время, и начинаешь постепенно употреблять их, не чувствуя при этом ничего особенного. Чем дальше – тем меньше страха. Я видела много подобных случаев. И перестала им удивляться. Должна признаться, что в конце нашего пути, первой части нашего пути, я даже испытывала чувство гордости.

Наверно, это слегка напоминает «стокгольмский синдром»². Человек, взявший вас в заложники, вас очаровывает. Вам нравится, как он говорит, какие грандиозные у него планы. Никто не умеет изложить свои мотивы так, как он.

² «Стокгольмский синдром» – психологическое состояние заложников, начинающих симпатизировать захватчикам. Термин возник в 1973 г., когда в Стокгольме двое рецидивистов при попытке ограбления банка свыше шести дней держали в заложниках четырех человек.

Постепенно впадаешь в гипнотический сон и, словно в кино, видишь только картинки райской жизни.

В результате же вы застреваете в мире зависимости. И даже если вы попадаете в него с другой стороны, с позиции «партнера» наркомана, на вас это тоже отражается. Вы даже станете оправдывать его поведение.

Зависимый от наркотиков человек всегда носит ярлык – «тот, плохой». А его партнер, страдающий и вынужденный все терпеть, – это «тот, хороший». Конечно, в большой степени это правда. Алкоголик или наркоман – фактически отпетый негодяй, поведение которого уничтожает всяческое к себе доверие. Он теряет порядочность. Право на любовь. Со стороны все выглядит именно так, в том числе и в некоторых практических вопросах. Особенно в те моменты, когда он выпил алкоголь или принял дозу, в минуты химической зависимости. Однако не всегда все так однозначно. Он в то же время человек, которого нельзя просто выбросить на помойку. Человек, имеющий право на жизнь, как и все остальные. Кто хороший, а кто плохой? Ответ на этот вопрос легко дают только сказки. В реальной жизни все сложнее. В чем, собственно, кроется зло? В попавшем в зависимость человеке или в зависимости как таковой? Или это одно и то же? Зависимый человек, наркоман равняется зависимости? Если же нет, то что это такое? Легко забыть, что человек – многосторонняя личность. В нем есть некое внутреннее «я». И где-

то там, под алкоголем и наркотиками, находится человек...

Думаю, что как раз поэтому столько женщин остаются со своими пьяницами и морфинистами. И я не была исключением. Потому что когда-то я встретила человека, которого позже все эти проблемы поглотили. Потому что я не верила, что Рихард – это всего лишь набор зависимостей. Я верила, что он выше их. Я не хотела отказаться от надежды, что однажды снова буду жить с тем первым Рихардом, с парнем, в которого когда-то влюбилась.

Возможно, это глупо, но люди не сдаются просто так. Вы все еще верите, что любимый человек станет тем, кем был вначале. Надеетесь и переживаете. Начнете ненавидеть «того, другого», постоянно пьяного, обкурившегося мужика, который победил в себе прежнего. Но не забываете, помните и того мужчину, которого считали своим. И это держит вас на плаву.

Но постойте. Я постоянно слышу какие-то возражения. Ведь он уже пил, когда вы познакомились. Да, это правда. Пил, но пил по-другому. Когда мы встретились, он в этом смысле особо не отличался от других. Большинство людей в нашем окружении пили так же. И он бывал трезвым. Как раз этого трезвого человека мне больше всего не хватает, того, которого еще не засосала трясина зависимости.

Другая проблема состоит в том, что человек, которого вы знали раньше, время от времени возвращается. Трезвое со-

стояние в таких случаях кажется вам даром небес. Оно тешит вас, вы счастливы. Вы думаете, что на этот раз все изменится. Он пришел в норму, завязал. Сегодня же получилось, значит, так будет и завтра. Потому что хуже уже было. Этот ужас, конечно, не может повториться. Сначала так хочется в это верить!

И я каждый раз верила снова и снова. В первые дни я нервничала и беспокоилась. Но если он оставался трезвым, страх понемногу рассеивался, как туман. Я выбрасывала его в мусорный ящик.

Я хотела продолжения.

Наша жизнь стала будничной. Его деформация, исчезновение его настоящего «я» происходило по одной и той же схеме. На каждой неделе случались нормальные дни. И плохие. Плохими днями, полными тревоги, были четверги и пятницы. В воздухе висело смутное предвестие вечера, который будет проведен в каком-нибудь кабаке.

Он позвонил во второй половине дня. Я как раз забрала Эдварда из садика. Думала поужинать втроем. Например, в ресторане. Но все вышло иначе.

– Ты знаешь, я бы хотел вечером пойти с Симоном выпить пивка, – сказал он. В трубке слышался городской шум.

– Ну да.

– Ничего особенного. Только по кружечке.

– Ты бы не мог прийти домой пораньше?

– Нет проблем! Ну, конечно! Я не задержусь долго. Хочу

тебя видеть. И Эдварда.

– И когда ты будешь?

– Около десяти, одиннадцати... Мы не собираемся засиживаться.

Он никогда «не засиживался». Всегда шел только «на кружечку». Или две. Давал оптимистические прогнозы относительно того, как долго будет отсутствовать. Кружка пива – это же такая ерунда! На кружку пива имеет право каждый!

Обычно я предчувствовала, что он не придет домой, как обещал. Но вместо того чтобы что-то предпринять, в тот раз я осталась дома. Уложила Эдварда, прочитала ему сказку, ощущая странные боли в желудке. Я постаралась потушить его ночник как можно скорее – мне хотелось покоя. Покоя для того, чтобы контролировать время. Жалеть себя. Я позвонила Шарлотте, но она не смогла взбодрить меня. Она только расстроилась, что я сижу дома, как мокрая курица. Она, мол, как раз собирается в город. Шарлотта считала, что мне бы надо найти для Эдварда няню или отдать малыша родителям, а самой пойти с ней. Но я отказалась.

Мне не хотелось. Если бы я натолкнулась на Рихарда, он мог подумать, что я слежу за ним. Какая глупость! Но мне так казалось. Кроме того, я не хотела быть свидетелем его пьянства. Наверно, это было главной причиной.

Когда он наконец где-то под утро явился домой, это был другой человек. С запавшими глазами. С чужой улыбкой. От

него воняло. Упав в постель, он сразу захрапел. Я лежала в темноте рядом, вслушивалась в его громкий храп и молилась, чтобы он снова стал самим собой. Такое обычно случалось в воскресенье вечером. К тому времени Рихард успевал отоспаться, хмель проходил, и пару дней он был в норме. Да, в начале нашей совместной жизни, слава богу, было и несколько трезвых или почти трезвых дней в неделю.

Ну как можно было хотеть ребенка от такого человека? Оказывается, можно. Я даже не могла представить себе жизнь с другим. Я хотела иметь большую семью – один ребенок меня не устраивал. Может быть, это идет вразрез с нынешней тенденцией. Но и работа не доставляла мне удовольствия. Что, я должна посвятить жизнь писанине о вкусах и запахах дешевых колбас? Суетность подобных рекламных кампаний всегда вызывала во мне внутренний протест.

Как-то Шарлотта взяла Эдварда на неделю к себе, ему всегда у тети безумно нравилось. А мы с Рихардом отправились в Лондон. Мы прогулялись по Ноттингхилл и посетили Кэмден. Накупили грампластинок и растафарианские шапочки, которые вручную изготавливали девушки в каком-то закутке, откуда тянуло дымком марихуаны. В гостиничном номере мы ели китайские блюда и занимались любовью под музыку Джимми Клиффа. Рихард пил сдержанно, это было приятно. И я забеременела.

В качестве будущего отца Рихард был неподобен. Мои опасения относительно несоответствия его возраста отцовству не подтвердились. Подружки вздыхали и пророчили, что он оставит меня, как только у меня начнет расти живот. Ничего подобного! Он любил мое оплодотворенное тело и каждый вечер натирал кремом мой округлившийся живот. Беседовал со своим ребенком. Обожал меня и преклонялся предо мной. Богиня мать. Он очень гордился, что его сперматозоид нашел мою яйцеклетку, они слились воедино и сейчас из них создается наше и только наше дитя. Он даже выпивать стал меньше.

Я успокоилась. Вот оно, я была права! Он вел себя как нормальный молодой парень. Нет больше проблем с алкоголем. Он взял себя в руки. Доказал, что в силах преодолеть тягу к выпивке и быть ответственным мужчиной, как того требует ситуация.

Шарлотта поздравила меня, но было видно, что мою вторую беременность она принимает с трудом. Вроде бы теперь ее очередь. Теперь она должна была вынашивать ребенка. Ей уже перевалило за тридцать. А она все еще бездетна. Кто знает, не завидовала ли она, что у меня есть парень, который так любил пиво? Если и завидовала, то никогда не показывала виду. Обычно мы могли говорить с ней о чем угодно. Но только не об этом. Это была больная тема. Я чувствовала за собой вину, что ей не выпало счастье ходить в Дом матери и ребенка. Что у нее в животе нет маленького создани-

ца, сердце которого бьется так, что, кажется, слышно на всю комнату. Мне было не по себе оттого, что она не может разделить мое счастье.

Поймите меня правильно – я тогда была по-настоящему счастлива. Это был чудесный период. Казалось, что Рихард в норме. Радость ожидания будущего ребенка явно читалась на его лице.

В то время алкоголь не был на повестке дня. Наверно, за-таился и ждал своего часа. Мне это и в голову не приходило. Я поглаживала живот и мечтала о нашем малыше – на моем небосклоне не было грозowych туч, которые портили бы мне настроение. Разве что ситуация с Шарлоттой. Не совсем справедливо, если младшая сестра рождает раньше старшей. Это причиняет весьма своеобразную боль.

Ультразвук. Мы держимся с Рихардом за руки. В приемной я целую его. Стоп... я что-то чувствую. Что-то типа запаха пива. Пытаюсь прогнать тревогу. Стараюсь никак не выдать своих подозрений. Не хочу испортить важность момента. Ничего не скажу. Не спрошу.

– Ты пил? – все же шепчу немного погодя.

– Бокальчик к обеду, – отвечает он тоже шепотом и невинно улыбается.

Бокальчик к обеду. Бокальчик к обеду. Так уж ли это страшно? Ну, успокойся ты, Мариса, не будь занудой. Бокальчик к обеду. Просто при беременности легко расстро-

иться. Любой из нас к обеду берет бокальчик пива. В чем тут проблема? Бокальчик к обеду...

Я больше ничего не спрашиваю. Но когда сестра на ультразвуке натирает мне выпирающий дугой живот холодящим синим гелем, я молюсь, чтобы она не почувствовала запах того проклятого пива «к обеду». Искренне надеюсь, что мы выгладим так же, как любая другая пара, интересующаяся, как поживает детеныш там, внутри. Запаху пива в мире беременных нет места.

В помещении приглушенное освещение. Рихард сидит рядом со мной. Сестра стоит возле аппарата у моей головы, а на экране появляется черно-белое изображение нашего ребенка. Глаза застилают слезы. Рихард смеется.

Наше дитя делает кульбиты. Свободное существо. Надежно привязанное пуповиной. Машет нам ручкой. Я слышу, оно говорит: успокойся, мамуля! Наш папа о'кей. Немного ребячится, но ведь держится. Я знаю. Поэтому я выбрал вас двоих. Вы оба о'кей. Вы молодцы. Жду не дождусь увидеться с вами.

У нашего малыша десять пальцев на руках, десять на ногах, бьющееся сердце и мозг, выглядящий как положено. И остальные органы, похоже, на своих местах. Одним словом, все о'кей.

Когда мы уходим, я чувствую себя так, словно у меня выросли крылья.

Жаль только, что Рихард к обеду не взял кока-колу.

Эдвард часто гладил мой живот и рассказывал, чему научит братика. То, что это будет братик, не вызывало у него никаких сомнений.

– Мы будем играть в футбол. И я разрешу ему поиграть с машинками, – поначалу обещал он.

Потом позиция его изменилась: он пришел к выводу, что братик будет помехой.

– Я хочу, чтоб этот ребенок исчез, – хмурился он. – Сделай так, чтоб живот больше не рос. Мне сопливый и плачущий брат не нужен.

Я погладила его по голове. Мой пятилетний малыш! Было и чудесно и одновременно страшновато сознавать, что вскоре к нам присоединится еще один человечек и будет жить с нами. У маминого принца-любимчика появится конкурент.

О том, что к нам уже кто-то присоединился, я понятия не имела. Имя его начиналось на букву А и кончалось на – *изм*.

Две недели по истечении подсчитанного срока родов. Давно пора... Последние дни с нами жила Шарлотта, помогала с Эдвардом. Пекла хлеб и делала блинчики. Ее грусть и мое чувство вины улетучивались по мере приближения родов.

В роддом мы приехали рано утром, но схватки начались только после обеда, несмотря на стимулирующий укол. Ожидание продлилось дольше, чем мы предполагали. Рихард все время был со мной и массировал мне спину. Говорил, какая я красивая и славная. Что уже скоро наш младенец бу-

дет дома. Боли нарастали. Схватки стали нестерпимыми. Я металась на родильном кресле из стороны в сторону и сильно вспотела. Схватки отнимали все силы. Уже некогда было думать. Это надо было выдержать. Кровь. Началось кровотечение. Акушерка осмотрела меня и сообщила, что матка открылась на десять сантиметров. Все идет как по маслу, пробормотал кто-то, стоящий сзади меня. Казалось, что-то разрывает меня на части – на свет просилась головка. Рихард начал громко смеяться. Я вдохнула «веселящего газа» и неожиданно тоже почувствовала желание похихикать.

– Чего это ты смеешься? – донесся до меня мой собственный голос.

– Потому что ты рожаеть нашего ребенка, – ответил Рихард. – Это такое чудо! Не могу поверить...

Без пяти минут два мне положили его на грудь. Это был мальчик, как и предвидел Эдвард.

– Йоахим, – было первое слово, сказанное Рихардом после родов. – Его зовут Йоахим, ты слышишь?

– Да, – ответила я и поцеловала маленький сморщенный лобик.

Процесс может идти медленно. А может и быстро. Регресс. Растущая зависимость. Наша новая семья была счастлива. Йоахим был прекрасным, изумительным ребенком. После родов у меня было все. Эдвард стал называть Рихарда папой. Своего биологического отца он видел редко, и, по-мо-

ему, ему хотелось чаще пользоваться этим словом. Он нуждался в ком-то, кого можно так называть. Папа! Рихарду вначале от такого страстного проявления любви было не по себе, но он очень быстро сжился с новой ролью.

Я кормила малыша и писала, если что подворачивалось. Надо было зарабатывать деньги. Рихард с удовольствием покупал дорогие вещи. Пришлось уделять внимание семейным обязанностям. Мы ездили в супермаркет за большими пакетами пеленок и консервированными помидорами. Занимались уборкой. Стирали белье для малыша и запачканные куртки из детсада. Часто вместе смотрели телевизор.

Рихард охотно ухаживал за Йоахимом. Он был от него без ума, обожал своего пухленького краснощекого первенца. Вел себя как гордый папаша. Ходил с коляской на продолжительные прогулки. В то же время хотел работать. На горизонте маячили новые клубы, новые тусовки, новые проекты. Жизнь не стояла на месте.

С малышом мне помогали мамы – моя и Рихарда. И еще Шарлотта. Она познакомилась с Петером, мужчиной тридцати пяти лет. Иногда приводила его к нам. Он мне нравился. Но я не решалась высказать свои надежды вслух. Несколько подобных ситуаций уже было – Шарлотта строила планы на будущее, а потом все шло в тартарары.

Восхищение младенцем постепенно сменилось будничной жизнью, вернулась знакомая рутина. Рихард снова работал по ночам. Проклятые пятничные вечера. Я уже успела

забыть, как ненавидела субботние утра, когда он лежал трупом в постели и спальня была пропитана алкогольными испарениями. Ведь он уже перестал пить, зачем же начинать снова? Я поднималась и одна занималась детьми. Эдвард хотел к друзьям, в парк. Йоахим спал в коляске, но за ним надо было присматривать. Ради Эдварда мне приходилось делать веселый вид. Но меня выводило из себя то, что я должна делать все одна, а Рихард спокойно отсыпается после пьянки. Суббота и воскресенье до середины дня казались мне бесконечными. Часто шел проливной дождь, а ледяной ветер насквозь пронизывал одежду. Собачья погода настроение не улучшала, я воспринимала ее как изощренную муку. С завистью разглядывала других пап, которые вышли на улицу с детьми. Чем же занимаются их жены? Смакуют с подружками кофе? Зашли сделать педикюр? Отправились в «Н&М» за покупками? А мой муж в это время с похмелья спит и спит. Мне хотелось рвать и метать.

Случались, конечно, дни и получше.

Например, когда погода смягчалась и было не так холодно. Я кормила Йоахима грудью на лавочке в парке. Рихард позвонил мне на сотовый, сказал, что примет душ и сразу придет к нам. Явился через час, с еще мокрыми волосами. Поцеловал меня, и я почувствовала запах похмелья. Вскоре он пожаловался, что в парке больше не выдержит. Ему надоели все эти приличные родители и все эти дети, что поднимают пыль. Так жить он не хочет. Это его утомляет.

– Ну, а как же я? – позволила я себе спросить. – Как я?

Он не ответил. Наверно, считал, что меня забавляет стоять в одиночестве на детской площадке и монотонно качать Эдварда на качелях.

Раздражение все чаще овладевало мной. Ты сердишься, спрашивал он, и этот вопрос еще больше заводил меня. Я семимильными шагами шла к тому, чтобы превратиться в несносную фурию. Я знала об этом, но не могла совладать со своими эмоциями. Хоть бы пришел кто-нибудь и приготовил нам вкусный обед! Вместо этого мы шли в «Макдоналдс». Весь день я с тяжелым чувством ожидала вечера, когда мой Рихард опять становился другим человеком. Человеком, с которым я жить не хотела.

Я позвонила Шарлотте и расплакалась.

– Ты просто устала, – сказала она. – Неужели все так плохо?

– Не знаю. Тяжело мне с ним. Не могу точно описать свое состояние. Как будто жизнь остановилась.

– Но ты производишь впечатление упавшего духом человека. Ты хоть высыпаешься? Йоахим ночью не будит?

– Да нет, спит. Но я все равно такая уставшая... Потому что чувствую себя одинокой.

– Разве Рихард не помогает тебе с детьми? – спросила Шарлотта.

– В определенном смысле нет, – ответила я, вытирая сле-

зы. – Это трудно объяснить. С одной стороны, он здесь, но с другой – его, собственно, и нет.

– Понимаю, – сказала Шарлотта, но мне было ясно, что она ничего не понимает. Да и как она могла понять? Даже я точно не знала, что происходит.

Что касается времени, то в этом вопросе Рихард был классическим оптимистом – мол, все успеется. Только много позже я узнала, что у пьющего человека первым разрушается чувство времени. Оно уже не является чем-то конкретным, на что можно ориентироваться. Время становится субстанцией, которую любитель выпить по своему усмотрению использует для обмана и манипуляций – даже не отдавая себе в этом отчета. Временная перспектива сдвигается. К примеру, Рихард говорил, что уйдет на час. И сам в это верил. Говорил всерьез. Во всяком случае не собирался лгать. Был сто процентно убежден, что вернется через шестьдесят минут, как обещал. Без злого умысла. Но в отношении времени алкоголь очень ненадежный приятель. Даже больше: алкоголь – это самый заклятый враг времени. Он делает все возможное, чтобы перечеркнуть попытки сдержать слово, данное относительно времени. Алкоголь выкаблучивается, льстит, соблазняет. Алкоголь подталкивает к компромиссам. Пять минут ничего не решают! Рихард всегда проигрывал в таких ситуациях. Все рабы алкоголя эти битвы проигрывают. И час легко превращается в три. Вместо одного часа уходит половина дня и еще часть вечера.

Прежде чем я поняла, что на его временные прогнозы нельзя положиться, прошло немало времени. Сначала он не возвращался к обещанному сроку по ночам. Потом проблемы со временем стали возникать и днем. Рихард, например, мог сказать, что сходит выпить эспрессо. Ничего особенного – просто эспрессо. Дымящаяся чашка черного кофе. Шипение автомата, в котором готовится эспрессо. Аромат только что смолотых кофейных зерен. Красота! Он так любит черный кофе. Возможно, выпьет две чашечки. Это займет минут двадцать, не больше. Будет дома через четверть часа. Ну, ладно, через полчаса. Из-за получаса не стоит спорить, правда? Мне еще надо накормить Йоахима, а Эдвард на детском празднике.

Или ему захотелось заглянуть на барахолку, открывшуюся на другом конце улицы. Туда привезли хорошие стулья, которые подошли бы для нашей кухни. «Нам нужны новые стулья!» «Стулья нам не нужны», – ответила я. «Нужны! На старых краска уже совсем облезла». «Никаких стульев», – повторяю я. Все кончилось тем, что он ушел, хлопнув дверью. Расстались мы не слишком дружески. Естественно, стулья он не купил. Деньги истратил раньше, чем дошел до барахолки.

«Вот только помогу товарищу перенести кушетку. Забегу в клуб и заберу бумаги. Надо срочно проверить пластинки, оформить заказы». У него были сотни и тысячи различных

мелких, не требующих значительного времени дел, которые не терпели отлагательства. Их нужно было сделать сейчас, в выходной, и чем раньше – тем лучше. Уже к полудню, к концу позднего завтрака (в уик-энд можно было поспать дольше), его охватывал некий зуд: срочно надо выпить эспрессо. И он исчезал.

Это как любовная связь. Как горячая страсть. Мне кажется, что стоило Рихарду подумать о том, как он после обеда выпьет, а еще лучше – в двенадцать, он чувствовал возбуждение. Позже мне сказали, что в радиусе пяти километров от нашего дома не было бара, в котором бы его не видели. В нескольких из них ему давали в долг. В большинстве – знали в лицо. И достаточно хорошо.

Не верится, что он действовал по продуманному плану. Не думаю, что хотел кого-нибудь обидеть. Просто-напросто не мог совладать с искушением. Он и алкоголь вместе плыли на облаке, сотканном из мечтаний и надежд. Его планы выглядели так реально, когда они опирались на стаканчик виски. В такие моменты он был свободным, сильным, бессмертным. Был в плену у бутылки. Не мог от нее отречься.

Алкоголь придавал ему отваги. Он мог чувствовать себя кем угодно. По крайней мере, верил в это.

– Мне надо принять стаканчик, чтобы родились идеи, – говаривал он иногда. – Тогда я чувствую прилив творческих сил. Что? Ты хочешь помешать мне встречаться с людьми

и жить собственной жизнью? Собираешься запереть меня в клетке? Да что ты пристала, черт возьми!

Я не хотела приставать. Не хотела заставляя его, о чем-то все время просить. Я мечтала быть свободной, доброжелательной и приветливой. Я еще не осознавала, что аргументы Рихарда очень типичны для людей, которые пьют много и часто, пьют быстро и плохо. У меня не хватало отваги принять к сведению те признаки, которые сигнализировали мне, что в один прекрасный момент случится катастрофа.

Если первым из врагов Рихарда было время, то на мою долю выпало почетное второе место. Ведь именно я была противная, злая фурия, пытающаяся разбить его любовный роман со столь желанным алкоголем. Поэтому мы так часто ссорились. Конечно, Рихард всюду защищался. Он не мог бросить пить. Не мог уступить, ибо это было бы доказательством того, что я права. Его поражением. Признанием, что у него есть проблема. Но этого от Рихарда не дождешься. В действительности он об этом и не думал.

Куда бы он ни шел, его сопровождали конфликты. Потому что я не могла спокойно смотреть, как он пьянствует. Я вмешивалась, и это неизбежно заканчивалось ссорой. Речь шла о принципах. Рихард отказывался завязать, настаивал на своем. Разве можно иначе? Разве он не мужчина, а слабак, который испугается утомительных истерик своей женушки?

К тому же виноват всегда был другой, то есть я. Это я про-

воцировала конфликты, надоевшая подруга жизни. Мешающая его счастью. Саботирующая то хорошее, что ему дает алкоголь. Можно поспорить, что я завидую его счастью и благосостоянию! Хочу уничтожить их гармоничное сосуществование. Не иначе, я озлоблена тем, что в своей ничтожной жизни ничего столь фантастического не прожила. Потому все мои усилия направлены на то, чтобы омрачить амурную связь Рихарда с алкоголем. Я искала его во всех возможных дырах, ругала его, допрашивала. Конечно, он злился. Конечно, был груб. Да и кто бы не был? Вы должны понимать, что Рихард в целом был хорошим человеком. Пьянство он воспринимал как благо. Это окружающий мир вел себя зловредно. Это я чокнутая. Ссоры были неминуемы. Потому что алкоголик – это не подстилка, о которую вытирает ноги каждый, кто захочет. У него есть свое мнение.

Согласитесь, он не может жить под гнетом...

Иногда мы ругались так, что дребезжали оконные стекла. Период снисходительности уже был пройден. У меня чесались руки взять сковородку и стукнуть его по голове. Хотелось разmozжить ему челюсть и оставить на полу без сознания. Но потом я вспоминала об Йоахиме, и мне становилось стыдно. Ну, не могла я искренне мечтать о том, как проучу его отца. Я бы попала в тот же омут, в котором болтается он.

Потом мы мирились. В то время это было еще сравнительно легко. В воздухе летали оскорбления, но под ними

скрывалось примирение. Он обвинял меня, что я злая, саркастичная и бесчувственная. Я угрожала разводом. Хотела вышвырнуть его за дверь. Потом наши взгляды встречались, и мы уже не могли друг друга ненавидеть. Мы обнимались и немного плакали. Потом предавались любви. Потом он уходил в город и, вернувшись, дарил мне новую куртку, брюки, тени для глаз, цветы, коробку с новыми авторучками, два модных иностранных журнала, японский соус из сои в оригинальной бутылочке, сверкающие серьги... Вещи, вещи, вещи. Подарки, подарки и еще раз подарки. Это могла быть кукла Барби, которую он нашел в магазине подержанных вещей. Точь-в-точь такую, с какой я играла, когда была маленькой. Я в изумлении качала головой. Парни не покупают своим девушкам кукол Барби. Ни один мужчина не купил бы Барби и не надел бы на нее вечернее платье, купленное отдельно. Ни один мужчина не стал бы водить куклу Барби по кухонному столу и не рассказывал бы при этом, что такое вечернее платье сейчас шьют в ателье, чтобы его могла носить самая великолепная жена в мире, которая красивее всех Барби, вместе взятых.

Наша любовь была страстной и душевной, и это было так чудесно, что не походило на правду. Я не хотела потерять его. Не хотела, чтобы он снова пропал в каком-нибудь кафе или бежал записывать нас на курсы танго. Я не хотела, чтобы он ушел в «НК», «случайно» забрел в отдел дамского белья и

принес мне новую кружевную секси-комбинацию, вышитую золоченой нитью, за три тысячи крон. Я не хотела, чтобы он уходил, потому что не знала, когда вернется и в каком будет состоянии. Я хотела удержать его у себя под боком, в себе... И удерживала... Еще и еще... Кто знает, может быть, новый ребенок решит наши проблемы?

А потом, спустя какое-то время, когда я чистила зубы, мне стало плохо – желудок. На бумажке для теста на беременность появились две четкие синие полоски.

Вечернему платью придется подождать.

А может, это и есть стиль жизни очаровательно-оптимистической личности – иметь кучу детей, размножаться. В конце концов, нас соединяла любовь.

Мы поехали в Италию. Утопали в красном вине. Кьянти. Бароло. Амароне. Почему бы не пить, если все вокруг пьют? Но я видела, что Рихард выглядит иначе, что вино его не веселит так, как остальных пьющих. К тому же он пил больше других. После обеда заказывал виски и коньяк. Остальные довольствовались вином.

Мы снимали белую виллу, за которой росли апельсиновые деревья. Мраморные полы и кухня с газовой плитой. Мы играли в большое итальянское семейство, варили макароны и готовили овощной салат. Надо сходить за пряностями. Всегда возникала необходимость за чем-нибудь сходить. Как у нас с фруктами? Не нужна ли минеральная вода? «Сан-Пел-

легрину». Отлично. Рихард всегда готов за чем-нибудь сбежать. Ничего нам не надо, хотелось мне закричать. Никуда ходить не надо! Пожалуйста, останься. Иногда я говорила это вслух. Осторожно. А он злился.

Потом все равно уходил и задерживался дольше, чем требовалось. Его отлучки пока не были длительными, но они были. Они были, в общем-то, незначительны, и, не будь я обременена прошлым опытом, на них можно было бы не обращать внимания. Но у меня уже проявлялись симптомы болезни. Интуиция человека, живущего с алкоголиком. Хроническое состояние, которое может ухудшаться. Или улучшаться, если ваш партнер какое-то время не пьет. Никогда не знаешь наверняка, что с вами эта болезнь сделает.

Рихард начал пить в Италии ежедневно. Вечером, к ужину. У него были отекавшие глаза, и мне казалось, что черты его лица изменились. Я отказывалась спать с ним, когда он был во хмелю, и чувствовала, что поддерживать с ним контакт все труднее. Когда он пил за ужином, я бывало пыталась не позволять ему заказывать слишком много. Это всегда оборачивалось ссорой. Почти всегда.

Однако было бы неправдой утверждать, что весь наш отпуск прошел отвратительно. Это не так. Выпадали и светлые дни. Мы радовались солнцу, морю, друг другу и нашим мальчикам. Говорили о том маленьком комочке в моем животе. Это будет снова мальчик, не иначе. Мне бывало плохо, но я не переживала. Я знала, что меня ожидает. Ребеночек

начнет брыкаться. Ультразвук. Биение сердечка. Громадный живот. Но я смирилась и с ним – он наш общий. Живот все-
лял надежду. У меня не было сил думать о куче пустых бу-
тылок из-под кьянти, валявшихся под кроватью. Об исчез-
новениях Рихарда.

К счастью, у Рихарда не было водительских прав. По сер-
пантинам горных дорог, по широким автострадам машину
вела я. Рихард сидел рядом и «заведовал» навигацией. Ссо-
рились мы редко. Могло показаться, что рядом со мной нор-
мальный во всех отношениях человек – хороший, милый,
беспроблемный мужик, который грешит только тем, что по-
сле еды выпивает кальвадос. Мы все еще находились в при-
емлемом алкогольном варианте. Еще не сделали «апгрейд»
и не перешли на обновленную версию 2.0. Версию «Алкого-
лик». Более сложный вариант.

Шарлотта и Петер обручились и стали жить вместе. Шарлотта переживала, что еще не забеременела. Мне, конечно, вряд ли годилась роль утешительницы, ведь я снова вынашивала дитя, которое все чувствительнее барабанило в мой живот. Я опять чувствовала за собой вину. Почему мне так легко удается зачать, а она не может? Но Шарлотта держалась молодцом. Без стеснения говорила на эту тему. Мы вместе роняли слезы оттого, что ей так не везет. Какая несправедливость! Две сестры. От одного отца, от одной матери. Одна рождает, как на конвейере. У нее, правда, жуткий муж, но детей делает запросто. Другая старше, не намного, но все же старше. У нее порядочный, непьющий друг. Оба хотят ребенка. Но – не получается. Менструация, эта сволочная менструация, приходит каждый месяц. Точная как часы.

Я лежала в постели на последней стадии беременности. Дитя ворочалось во мне туда-сюда. Я не могла уснуть. Думала о Шарлотте. О себе. И о Рихарде. Куда подевался этот негодяй? Его все не было. Я мучилась бессонницей уже несколько часов, посматривала на красные цифры электронных часов и прислушивалась, не щелкнет ли в замке ключ. Но на улице царил тишина. Входную дверь никто не открывал. Никаких шагов в коридоре. Мужчина, оказавшийся на наклонной плоскости, домой не возвращался.

Я почувствовала новый удар ребенка в своей утробе и посмотрела на Йоахима, лежащего рядом со мной в супружеской кровати. Кровать выглядела опустевшей. На супружеской кровати должны лежать муж и жена, тогда все в порядке. Но мужнина половина пустовала. Как всегда в пятницу. Его клуб праздновал свои успехи. Конечно, без Рихарда никак нельзя.

Уик-энд начинался согласно старой знакомой формуле еще в четверг во второй половине дня, когда Рихарду требовалось что-то подготовить к пятничной вечерней программе. Домой он приходил где-то в пятом-шестом часу, спал до двенадцати, всю субботу был с похмелья противен, вечером опять пил, а все воскресенье, иногда частично и в понедельник, приходил в себя. С понедельника по четверг мы жили более-менее нормально. Случалось, Рихард начинал праздновать уик-энд уже в среду вечером, но это было исключение. А потом опять наступала пятница, и... круг замыкался.

Тогда, в пятницу ночью, мной овладело чувство, что я дошла до предела. На улице шел снег, я была беременна. Доколе я должна терпеть? Я знала, что клуб закрывается в три, потом его ждали еще какие-то бумаги, но не позже четырех он должен быть дома. Но только в пять часов я услышала, как открывается дверь в подъезд. Шаги.

Я тихо встала. Вышла в темную прихожую. Через тонкую дверь внутрь проникал холодный воздух, неся с собой явственный запах алкоголя и табака. Через закрытую дверь!

Отвратительный запах. Возможно, у беременных обостряется обоняние, но все равно! До чего же он, наверно, напился, если от него тянет так, что я чувствую запах алкоголя сквозь закрытую дверь!

– Тьфу, ну ты меня и напугала! – сказал он, увидев меня.

– Где ты был? – спросила я.

– Ты сердишься? Очень сердишься. Господи, и чего ты пристала? Ты ищешь ссоры.

– Почему ты напился как свинья? Отвечай!

Я чувствовала, что мой голос срывается в истерику, чего я не хотела.

– Я вообще не пьян. Выпил пару кружек – только и всего.

Он чуть пошатнулся, и я взглянула ему в глаза. Нет, это не мой Рихард. Это кто-то другой. Кто-то, с кем я не хотела делить свою жизнь. Не хотела иметь с ним детей. Не хотела чувствовать на себе его руки. Я не хотела его. Я хотела одного: чтобы он ушел и никогда не возвращался.

– Я не хочу, чтобы ты вообще пил! Слышишь? Не хочу! – заверещала я и стукнула кулаком об стенку.

Он помотал головой и сделал несколько шагов вперед.

– У меня нет сил говорить с тобой...

– Тебе придется говорить! Ты, черт возьми, будешь слушать меня, это твоя обязанность! Еще раз так наберешься, и я с тобой жить не буду, понял? Все, с меня хватит!

Он не ответил. Открыл дверь в ванную и приподнял сиденье на унитазах.

– Что, ссать захотел, подлюга? Да? Ну, скажи, сукин сын, скажи что-нибудь! – я не могла сдержать себя. Ярость застила мне глаза красной пеленой. Мне хотелось рвать и метать. – Будешь ссать своим проклятым пивом, которым наклюкался, пока я здесь тебя ждала. Разве нельзя было позвонить, хотя бы позвонить, ты же знаешь, как мне плохо, когда тебя нет дома...

Он расстегнул ширинку и намеревался пустить струю.

Я толкнула его. Ненависть вырвалась наружу. Что-то сломалось внутри. Я жалела сама себя. Мне было нестерпимо больно. И это заводило меня все больше.

– Перестань, – пробормотал он и оперся о стену.

– Это ты перестань, пьяница несчастный, – зашипела я. Господи, как я его ненавижу. Хочу развода.

Он открыл кран и оставил воду течь. Она текла в раковину целую вечность. Наконец он ополоснул лицо. Мне показалось, что выглядит он страшно. Лицо припухло. Щеки неестественно покраснели. Жирные, слипшиеся в пряди волосы. И глаза! Глаза, которые якобы смотрели, но при этом были пусты. Я не выносила его взгляда, когда он был пьян. Это было самое ужасное. А еще смрад изо рта.

– И не надейся, что будешь спать в спальне, – сказала я.

– Помолчи, я страшно устал.

Я преградила ему дорогу, но он попытался проскользнуть мимо меня. Запах алкоголя, ударивший мне в нос, еще больше взбудоражил меня. Всегда, стоило ему дыхнуть, я с тру-

дом сдерживала желание ударить его.

– Я буду спать там.

– Накосья-выкуси! Ни за что! Иди, куда хочешь. Можешь спать на кушетке, сволочь!

– Я буду спать в своей постели. Это мой дом.

Я встала на его пути, а он попытался оттолкнуть меня. Но я была полна решимости – не позволю ему спать в одной постели со мной, с Йоахимом! В бешенстве я ударила его. Самой трудной оказалась первая пощечина, вторая получилась автоматически, а третья доставила мне наслаждение. Удар следовал за ударом. Звуки пощечин эхом отдавались в моих ушах. Я схватила его за волосы. Как мне хотелось стукнуть его головой о стену! Но что-то удержало меня. Некий внутренний барьер.

Он пытался сопротивляться.

– Ау-у! Прекрати! Мне же больно!

Я мотнула головой, чувствуя спазмы в животе.

– Ты это заслужил.

Я оставила его и легла в постель. Ладонь дрожала и пылала от ударов. С одной стороны, хорошо, что он уже дома. Я слышала, как он ходит по гостиной. Я надеялась, что он останется там и ляжет на кушетке. А если сунется в спальню, я ударю его снова.

Я не впервые пускала руки в ход. Но никогда еще моя ярость не была такой необузданной. Раньше, когда он был пьян, я изо всех сил трясла или толкала его. Однажды ущип-

нула его за руку так, что он, будучи пьяным, не удержался на ногах и упал. В другой раз ударила его ногой. Царапала его. Физическая атака как выражение активного неприятия того, что он настолько изменился. Я ведь была не Рихарда. Я была тело, в котором поселился «тот, другой». Я была алкоголь и сопротивлялась ему и черт знает каким химическим веществам, которые отняли у меня мужа и его душу, трансформировав его в зловещую тень.

Я не могла уснуть. Поднялась с постели и пошла в гостиную. С ненавистью внутри. Сама не понимаю, откуда она взялась. Я села на него, словно на коня. С моим животом это было не так просто.

Он с трудом открыл глаза, веки не слушались его.

– Ты бросишь пить. Обещай! – сказала я тихо и с угрозой. – Я хочу услышать от тебя, что больше это не повторится. – Я взяла его лицо в свои ладони и крепко сжала его.

Он попытался освободиться.

– Обещай! Немедленно! Повторяй за мной. Я. Не буду. Пить. Хотя бы месяц. Иначе я тебе не рожу ребенка. Иначе я выгоню тебя отсюда. Иначе...

Он взглянул на меня. Я надеялась, что он понимает, что на этот раз все всерьез.

– Брошу. Обещаю. Целый месяц не буду пить.

– С завтрашнего дня!

– Конечно. Сделаю так, как ты хочешь. Ну, пожалуйста, можно я посплю? Я страшно устал...

Любовь. Когда-то ее было столько, что не сосчитать. Когда-то мы вдвоем противостояли миру. Я любила его донкихотские идеи и фантастические планы. Когда-то я с удовольствием защищала его стиль жизни. Теперь уже нет. Я уснула под утро, одна на супружеской кровати, держа за ручку Йоахима.

5

Жизнь с человеком, предающимся пьянству, прямо наспигована обещаниями. Нарушаемыми обещаниями. Быть в положении «той, что рядом», в частности, означает, что вы занимаетесь самообманом на самом высоком уровне. Лжете себе и всем остальным вокруг.

Я бессознательно видела все в розовом свете, преуменьшала опасность. Мне хотелось, чтобы жизнь была другой, лучше. Не считала ли я, что достаточно поверить в то, что мир выглядит так вот и так, и после этого, возможно, моя собственная жизнь преобразится?

Будучи женой, то есть самым близким человеком, «той, что рядом», вы очень одиноки на этом этапе. Оказываетесь на неизведанных космических путях. Не знаете даже, кто вы, собственно, есть. Не можете решить, о чем рассказывать другим, а о чем нет и насколько откровенно. Я считала этот этап, возможно, самым тяжелым. Трудно делать вид, что все в порядке, когда на самом деле все иначе.

Я не обсуждала свою жизнь ни со своей мамой, ни с матерью Рихарда. Об этом ни слова. Мы говорили о детях и обо всем другом. Единственной, кто о чем-то догадывался, была Шарлотта. Но я не хотела нагружать ее своими проблемами. Она сообщила, что они с Петером решили обследовать-

ся, чтобы найти причину, почему она не беременеет. В ее голосе звучала надежда. «Женщины, решившие рожать после тридцати, иногда обнаруживают, что «завести» ребенка не так-то просто», – сказал ей один гинеколог. Не оставалось иного выхода, кроме как пытаться снова и снова. Они с Петером оба бредили ребенком и приняли бы его с распростертыми объятиями.

Будничная жизнь со своими малозначительными событиями медленно шла своим чередом. Казалось бы, в этом есть определенное ощущение безопасности, но в данной ситуации речь скорее шла о новом испытании на выдержку. Ежедневные рассуждения, переходящие в сложные ментальные планы. Ничто не делалось гладко. Что у нас к ужину? И это могло стать предметом ссоры. Мы наготовили, помыли посуду. Но не сошлись в том, как правильно расположить ножи в посудомоечной машине. Мы уложили детей спать, а я подумала, какой же Рихард дурак – не сварил кашу для Йоахима.

Но я все еще ненавидела его только периодически. Большую часть времени я его любила, хотя чувство стало несколько бледнее. Прозрачнее. Оно возвращалось, когда, например, Рихард подбрасывал Йоахима высоко в воздух, когда ему удавалось рассмешить его. Когда он сопровождал Эдварда в садик. Когда он стирал, мыл посуду, занимался уборкой. Когда звонил и говорил мне что-нибудь хорошее. Что-то забавное. Когда покупал мне цветы. Несмотря на то,

что это была всего лишь попытка подмазать меня. Искупить вину. Избавиться от угрызений совести. Он тратил массу денег. Я пыталась не замечать этого. Главное, чтоб не пил. Рихард, любимый, пожалуйста! Больше не пей!

Конечно же, клятва, данная мне в полшестого утра мертвецки пьяным и побитым мною Рихардом, оказалась недолговечной. Конечно, он снова напился. Но пару дней он все-таки продержался, может быть, даже больше недели. За это время я молниеносно сумела состряпать еще одну фальшивую надежду. Ну, наша семейка снова станет нормальной. Благодаря новому ребенку Рихард успокоится. Я была стопроцентно в этом уверена. Ничего другого мне не оставалось. Иначе бы я в здравом уме девятый месяц не пережила.

Боли начались в одну апрельскую ночь. Мы как раз поругались. Он ушел вечером из дому. Я хлопнула дверь. Он отправился спать в детскую. Пришлось преодолеть злость и разбудить его.

– Началось. Надо ехать...

В роддом едем на такси. Ссора забыта. Как обычно, агрессивность выветривалась из нас, как только речь заходила о чем-либо значительном. Тогда мы еще умели объединяться. В такие моменты мы забывали о конфликте, сосредоточившись на самом важном, как в этот раз.

Схватки были все интенсивнее. Такси двигалось неверо-

ятно медленно. Я чувствовала, что дитя родится вот-вот, боли стали невыносимыми. Машина остановилась у роддома, Рихард поддерживал меня. Матка уже раскрылась сантиметров на шесть. Вскоре мне предстоит родить ребенка, но как-то не удавалось пробудить в себе состояние эйфории, счастья. Наоборот, я была насмерть напугана. Акушерка не вызвала у меня доверия. Ее сменила другая, такая же неуверенная.

– Что мне делать? – спрашивала я.

– Не знаю, – ответила она.

Хотя не поручусь, что ее ответ был именно таков. По правде сказать, точно уже не помню. Вполне возможно, что у нее дома был свой алкоголик. Какой-нибудь несносный пьяница. На которого нельзя положиться. Она вынуждена оставлять на него дом, детей, но вдруг он как раз пьет, когда она на ночном дежурстве? Хотелось кричать: «Помогите мне!» Но я не сделала этого. Я вела себя как послушная пациентка, вдыхала «веселящий газ» и пыталась выйти из своего земного тела.

Родовые схватки разрывали меня на две части. Мне хотелось умереть, я не выдумываю. А потом она появилась. В потоке крови и околоплодных вод. Миранда, девочка, наша первая дочь! Желанное дитя. Самый большой подарок, который может получить человек.

У меня есть фотографии из родильного зала. Рихард сидит, баюкая нашу доченьку, и смотрит в камеру своим обыч-

ным взглядом. Взглядом, выдающим проведенную на ногах ночь с избытком алкоголя. Честно говоря, ему надо было отоспаться. А не сидеть в пять утра в родильном зале и делать радостное лицо по поводу появления на свет еще одного потомка. Конечно, он был счастлив. Но все же невозможно было избавиться от впечатления, что настоящее чувство, искренняя радость, которую он испытывал после рождения Йоахима, куда-то затерялась. Рихард замкнулся в себе. Да, он смеялся. Но был замкнут. У меня началось сильное кровотечение, и я плакала. Акушерка считала, что я плачу от счастья. Возможно и так. Возможно, я была счастлива. Счастлива оттого, что у нас прекрасная дочка. И в то же время я была в отчаянии. Смогу ли я простить ему, найду силы бороться?

Но в тот момент, когда Миранда нашла мою грудь и стала сосать молоко своим маленьким нетерпеливым ротиком, я уже знала, что прощу. Что буду прощать снова и снова. Разве рождение ребенка не является прекрасным поводом попытаться идти дальше?

Всегда есть шанс начать все сначала. И мы это сделали.

Люди имеют весьма ошибочное представление об алкоголиках. А между тем алкоголики – это не однородная группа. Точно так, как не одинаковы диабетики или аллергики. Они представляют весьма разнообразный срез всех социальных слоев и способов жизни. Молодость не дает гарантии,

что алкоголизм не достигнет свою жертву. Существуют всевозможные типы забулдыг и пьянчужек, которые в обычном понимании не попадают в категорию «настоящих» алкоголиков, но они тоже пьют чрезмерно. Придет день, когда и они обнаружат, что попали в полную зависимость от алкоголя. Потому что алкогольную зависимость может «взрастить» в себе каждый. Каждый из нас может стать конченным алкоголиком, если употребляет достаточно много и достаточно часто. Собственно говоря, единственная вещь, объединяющая алкоголиков, состоит в том, что они не смотрят на алкоголь так, как его воспринимают обычные люди. Общее у них то, что в начале своей алкогольной карьеры, а некоторые – всю жизнь, они верят, что способны удержать алкоголь под контролем.

Алкоголизм – это классическая болезнь, поражающая всю семью. Жену пьяницы, находящуюся в положении «той, что рядом», окружение больной не считает, ибо мало знает о проблеме. Главным действующим лицом драмы является исключительно сам алкоголик. Его партнер по жизни считается второстепенной фигурой. Как-то не предполагается, что у него могут быть свои специфические проблемы. Но если случится чудо и алкоголик вернется к трезвому образу жизни, «та, что рядом» обнаружит, что ей по-прежнему плохо. Что у нее налицо все сопутствующие признаки, возникшие в процессе алкоголизации партнера. Иногда они могут и усилиться. Это тяжелая ситуация – ведь она надеялась выздоро-

веть со дня на день после того, как ее алкоголик завязал со спиртным. Казалось бы, жить с бывшим алкоголиком не составляет труда. И бывает крайне больно, когда обнаружится, что эта надежда далека от реальности.

Появилась Миранда, русоволосое дитя весны. Вошла в жизнь так естественно, что нельзя было не восхищаться ею. И вот у меня уже трое детей, о которых нужно заботиться. Школьник, воспитанник детсада и маленькая девочка. Я гордилась своей прекрасной троицей и даже своим мужем, который иногда бывал весьма интересным и обаятельным. Своим фантастическим молодым мужем, у которого была одна маленькая, можно сказать, незначительная проблема.

Он пил больше, чем следовало.

Как добиться того, чтобы жизнь в семье с малыми детьми, отравленная постоянно растущей тягой к спиртному, шла относительно нормально и можно было выжить?

Это возможно. Качество жизни, понятное дело, нестабильно, все зависит от того, какую ее сторону иметь в виду. Я знала очень немного о проблемах других людей. Конечно, для меня не было секретом, что существуют семьи алкоголиков, живущие в страшных бытовых условиях, и что заботу об их детях постепенно берет на себя государство. Что существуют семьи, в которых дети должны содержать родителей.

С нами они не имели ничего общего. Мы относились к ка-

тегории, которая умело скрывала зависимость. Она всплывала, когда детки спали. В выходные. В отпуске. Зависимость-шик, скрывающаяся под этикеткой «праздничная выпивка».

Я не думаю, что для жизни в семье алкоголика можно создать какую-нибудь универсальную инструкцию. У каждого свое. И в рамках отдельных категорий семьи алкоголиков сильно отличаются. Между ними существует столько же различий, сколько между нормальными семьями. И пускай будничная жизнь не всегда благоустроена, пускай дети перед ужином едят порой чипсы, пускай взрослые бывают в плену эмоций, все же иногда все идет как надо.

Наше семейство можно было бы включить в разряд семей неофициальных алкоголиков, хотя бы потому, что начальный период затянулся. Наша жизнь весьма походила на жизнь остальных семей с малыми детьми. Бывало, мы жили, можно считать, очень хорошо. Жизнь с алкоголиком – это не только одни тернии.

Дни приходили и уходили. Утром – подъем. Утро было для нас лучшей частью дня, потому что глава семейства был трезв, хотя время от времени страдал с похмелья. Он съедал бутерброд с чем-нибудь и шел под душ. Делал детям бутерброды в пакетах, собирал вещи на физкультуру и отводил их в садик. Часто после завтрака убирал посуду и стелил постель. После рождения нашей малышки долго держался трезвым. Жизнь нашего семейства протекала иногда до-

вольно идилически, несмотря на отца-алкоголика. Он часто приносил домой подарки и, бывало, просто так, ни с того ни с сего, мог закупить детям одежду за четыре тысячи, а жене чудесное новое ожерелье. Собственноручно стряпал ужин, будто для гурманов. Когда папочка был трезв, он улыбался, шутил и смеялся.

Может быть, вечера в семье алкоголика все же не такие, как в нормальных семьях. Собственноручно приготовленный ужин в нашем случае дело редкое, поэтому и казался вкуснее. С аппетитом пережевываешь каждый кусок и лишь боишься, чтобы глава семьи не смылся на какую-нибудь ночную экскурсию. Ну, пожалуйста, сегодня никаких прогулок! Даже на чердак. Или в подвал. В нормальной семье стирка в общей домашней прачечной обычное дело. В семье алкоголика она может обернуться катастрофой. Например, если в корзине для белья под кучей грязных простыней прячется бутылка виски...

Но наш семейный корабль часто уходил в море под фальшивым флагом трезвости. Мы с Рихардом говорили о нас и иногда касались болезненного вопроса его пьянства. Мы произносили много слов, чувствуя сопричастность, и уверяли друг друга, что мы с этим справимся, что мы семья, как другие семьи с детьми, разве у человека не может быть проблем? У нас, собственно, все хорошо. А потом мы гладили друг друга и целовались, а когда засыпали дети, обнимались в постели.

Подобных чудесных вечеров у нас было много, пока Рихард не уходил в город и не оказывался далеко от дома, от семьи, от меня. Тогда я еще верила, что все наладится.

Что все будет в порядке.

Но алкоголь – это злой господин с предательским умыслом. Сидит в засаде и готовит новое нападение. Ждет момента, когда между алкоголиком и «той, которая рядом» вновь возникнет доверие. Когда ослабнет бдительность. Он ударит, когда все беззащитны, не готовы к удару. И ударит немилосердно и жестоко.

Жизнь в семье, где один из партнеров алкоголик, похожа на прогулку по только что замерзшему пруду. Никогда точно не знаешь, выдержит ли лед. Сделав несколько шагов и не провалившись, думаешь, авось, пронесет. А потом – случайно наступаешь на тонкий лед и через долю секунды оказываешься в чертовски холодной воде. Проваливаешься под лед и тянешь за собой скатерть со стола, накрытого к завтраку, коляску со спящим ребенком, бельевую корзину, игрушки, няню и мальчика из садика, маленького школьника, и все это исчезнет в бесконечно глубокой ледяной воде, черной, как сама преисподняя.

Только мелкие пузырьки на поверхности дадут знать, что еще десять минут назад здесь была почти нормальная семья. Семья, которая только-только обретала надежду. Семья, у которой никогда не было такого же шанса, что у других.

И как это я могла согласиться с ролью в столь плохом сценарии? Кто в этом виноват? Я часто задавала себе этот вопрос. Сидела, кормила грудью и плакала. Я смотрела в младенческие глаза ничего не подозревающей Миранды, на ее ручки, сжимающие мою грудь, и посылала богу, имени которого не знала, тысячи молитв, касающихся всевозможных вещей. В любом случае мне было нехорошо.

Рихард занимался клубом, как обычно, окунувшись в хорошо знакомую рутину пьяных пятничных вечеров. Я не выносила его сборы в клуб. Его пятничную напряженность. Он не мог дождаться встречи со своей любовницей «Black Label», я это видела. Бегал по квартире, переодевал брюки, другие туфли. Искал гель для волос, чтобы держалась прическа. Отшвыривал один пиджак и брал другой. За ним шлейфом, по полу тянулись носки, трусы-слипы, портмоне, мобильные телефоны. Скомканные квитанции такси. Стаканы с выветрившимися остатками растворимых таблеток против головной боли. Все шло иначе, чем надо бы, а телефон названивал. Посреди этого хаоса дети хотели есть, и ужин для них приходилось делать мне. Рихард перемещался по другой орбите.

– Ты не видела мои ключи? Куда я положил деньги? Черт, я не могу найти тот шарф... И куда я его...

Он потел и нервничал.

– Ты не можешь просто так уйти? – вздохнула я, с нетерпением ожидая хлопка закрывающейся двери. Удаляющихся шагов. Но я ничего этим не добилась.

– Не будь противной. Ты же знаешь, сегодня пятница, – одернул меня Рихард, и глаза его выражали беспокойство. – Понимаю: ты собираешься вызвать во мне угрызения совести. Но я, дорогая моя, иду *на работу*.

В состоянии стресса он всегда был раздражен и агрессивен. Чувствовал жажду. Нуждался в регулярном потреблении чего-нибудь возбуждающего.

– Ну, конечно. Это я уже слышала. Только в пятницу ты всегда напиваешься как свинья. Вот в чем проблема.

– Черт возьми, это уже чересчур! Ты, наверное, спятила. Любая ерунда выводит тебя из равновесия. Успокойся, – сказал он, нанося гель на волосы. Темные пряди пригладил за уши. Полюбовался на себя в зеркало. – Выпей и ты бокал вина, когда уложишь детей, и расслабься. Я вернусь рано и потом смогу обнять тебя.

Когда он попытался поцеловать меня на прощание, я сжала губы.

– Хочу поцелуйчик от своей женушки, – настаивал он.

– Нет. Я не хочу. Не вижу в этом ничего забавного.

– Не дури! Ты же знаешь, что я люблю тебя.

Я немного смягчилась, приоткрыв беззащитные губки.

– Ты действительно должен быть там до пяти? Не можешь

прийти немного раньше?

– Попытаюсь.

Последний взгляд в зеркало. «Хорошо выглядишь», – подумала я. Почти модель! Ну, а дальше что? Что толку, если Рихард выглядит хорошо? Его надраенный фасад стал мне безразличен.

А потом он исчезал. Внизу, на улице, захлопывалась дверца такси. Миранда верещала, а Йоахим наложил в штанишки. Эдвард хотел смотреть со мной телевизор. Я чувствовала себя одинокой и жалела себя. Разве это жизнь? Все время быть в роли жертвы? Ошибка скрывалась где-то во мне.

Алкоголь то и дело расставлял неожиданные ловушки. Он постепенно менял мое восприятие реальности. С увеличением проблем Рихарда я незаметно теряла над собой контроль. Теряла способность видеть вещи такими, какими они есть. Зависимость все больше влияла на меня. Медленно исчезала уверенность, что есть настоящее, правдивое, важное. С изменением личности Рихарда, по мере того, как Рихард становился кем-то другим, менялась и я. Нормальную жену сменила жена алкоголика. Наша метаморфоза происходила параллельно. Он превратился в другого человека. Я тоже. Я стала другой Марисой, не такой, какой была всегда. Трудно сказать, как это случилось. Но алкоголизм был вроде заразы. Некая ветряная оспа, с поражением глаз. И на внутренней стороне сердца у меня появились оспинки, которые затем слились в один большой волдырь. Отвратительный вол-

дырь, полный жидкости неизвестного происхождения. Это нечто чесалось, щипало и болело. Меня лихорадило. Это было мучительно. Тот, кто ближе всех к алкоголику, и страдает больше всех.

Алкогольный туман никак не рассеивался. До прозрения было далеко. Я по-прежнему пыталась защищать Рихарда от него самого и от всех неприятных правд. Пыталась обелить его перед самим собой. Я так страстно желала, чтобы он был здоров. Чтобы оставался трезвым. Но это давалось с трудом, а моя собственная болезнь прогрессировала. Я все больше запутывалась в своей собственной зависимости.

Отрицание и оправдание. Самые ужасные симптомы поведения того, кто живет с алкоголиком.

Отрицание – страшная вещь. Оно укореняется в вашей душе так глубоко, что вы не способны на объективные оценки, даже если факты говорят о другом. Мой любимый не может быть алкоголиком! Я, к примеру, собственными глазами видела, как Рихард опорожнил большую бутылку виски. А позже упрямо твердил, что он не мог выпить ее сам. Или что там еще полбутылки оставалось. Знание того, сколько он выпил в действительности, знание алкоголизма вообще причиняло такую боль, что проще было лгать и убеждать себя – это надуманная проблема. Ее просто нет.

Оправдание тоже не радость. Я была полна рвения заботиться о бедняжке-алкоголике, который сам не справится, я

хотела помочь ему. Но своим постоянным вмешательством я полностью лишила Рихарда чувства ответственности. На некоторые последствия своего пьянства он даже не реагировал. Если человек может упиться в стельку и ему ничего за это не будет, какой урок он извлечет? Что напиваться в стельку – это норма. Но тогда я этого не понимала. Только позже я обнаружила, что жены алкоголиков часто звонят мужу на работу и сообщают, что он приболел, в то время как он отсыпается дома после запоя. Что любящие подружки отправляются на вечеринку одни и рассказывают, что их милый, то есть алкоголик, слег с гриппом и ему плохо.

Рихарду никогда не приходилось что-либо объяснять. Обычно задачу оправдания я брала на себя.

Я понятия не имела, что тем самым оказываю ему медвежью услугу.

Или имела?

Возможно.

Но и в этом случае все соответствовало общей модели поведения.

В отрицании я стала спецом. Ежедневно приходилось отрицать многое. Было так чудесно не видеть реальность и делать вид, что все идет как надо. В то время я часто встречалась с воспитательницами садика и болтала с ними о том о сем. Мне нравилось прогуливаться с Мирандой, спящей в коляске, рассматривать птиц на площади, наблюдать, как

весна медленно переходит в лето. Миранда все больше обходилась без сна, видя меня, смеялась, и я ей отвечала улыбкой, но иногда чувствовала, что моей улыбке не хватает искренности. Как будто я задавалась вопросом: а чему улыбаться? Чему радоваться? Своей прекрасной дочери, конечно. Но что дальше? По существу, в моей жизни не осталось ничего, чему можно было радоваться.

Я надеялась, что боль, которая ни на миг не отпускает, со временем утихнет. Только бы Рихард бросил пить. Только чтоб на выходные не случилось запоя! Только чтоб...

Ах, больше вроде ничего и не надо.

Алкоголь поселился у нас надолго и устроил себе в нашей жизни собственный комфортный уголок. Взял власть в свои руки. В обычные дни недели это не было так заметно. Нет, Рихард не был беспробудным пьяницей, какие описаны в литературе. Таким, которые, придя домой, орут и бьют домашних, потом рыгают прямо на пол в гостиной и спят в собственной моче. Он все еще в основном пил вне дома. Я никогда не видела, чтобы его рвало. Он не угрожал ни мне, ни детям. Как раз наоборот. Детей он любил, по крайней мере всегда к этому стремился. Но алкоголь – жестокий тиран. Ему не нравилось, что Рихард делит свою любовь к нему с любовью к людям. Требовал для себя исключительности, и Рихард уже скатился так низко, что потерял способность сопротивляться ему. Разве можно? Алкоголь незаметно подкрался и своими щупальцами опутал всю нашу жизнь. Болезнь разъедала Рихарда изнутри, и я тоже заразилась. Наквось прогнившая парочка. Внешне благополучная семейка с малыми детьми. Внутри же копошились черви.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.